

18+

Наталья Игнатова

Причастие мертвых

Наталья Игнатова

Причастие мертвых. Тарвуд-1

«Издательские решения»

Игнатова Н.

Причастие мертвых. Тарвуд-1 / Н. Игнатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965924-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Происки демона перенесли одного не самого обычного вампира, из лос-анджелесской ночи 2008 года от РХ на летящий в Хаосе островок тверди под названием Тарвуд. Островок населен, и там вполне можно жить. Однако наш герой, будучи натурой деятельной, твердо решает вернуться обратно на Землю. У него есть всего две недели, иначе он рискует умереть второй и окончательной смертью. И его вовсе не устраивает такая перспектива.

ISBN 978-5-44-965924-8

© Игнатова Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Причастие мертвых Тарвуд-1

Наталья Игнатова

© Наталья Игнатова, 2026

ISBN 978-5-4496-5924-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5925-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Меч — это ярость, а лук — это власть. Когда ты бьешься мечом, боги выбирают за тебя твоего противника, а когда ты стреляешь из лука, ты сам решаешь, чью жизнь оборвать. Когда ты с луком, ты уподобляешься духам и богам, потому что тот, кто умирает, не понимает, что с ним произошло, это выглядит, как явление природы.

Меч — это лицо самурая. Лук — это его темная сторона.

Минамото Синдзэн

После колледжа я не собирался поступать в Сандхёрст — отец хотел, чтобы я продолжил учебу в Германии, в Мюнхене. Новый университет, старые традиции, хорошая школа. Все против правил нашей страны и нашей семьи, где все мужчины служили в армии, но отец любил ломать стереотипы и ждал, что я буду поступать так же. Правильно делал. Если не я, то кто? Быть инженером гораздо интереснее, чем служить в кавалерии, это я знал задолго до того, как закончил колледж.

Я уехал в Мюнхен в июле, сразу после выпуска. Я поступил в университет. И стал бы инженером, лучшим в мире, можно даже не сомневаться. По крайней мере, именно это я планировал. Но в ноябре меня убили.

Глава 1

*Это чёрное безумье —
Зверь выходит на охоту за тобой.
Ведь сегодня полнолуние
Застилает мне глаза,
И я иду на бой.
Джем*

Чевас опрометью летел вдоль ряда составленных друг на друга контейнеров. Подошвы ботинок, подбитые сталью, грохотали по бетону. Такими ботинками хорошо ломать кости, но в них невозможно убежать бесшумно. А сейчас стоило бы. Бесшумно и очень быстро. Белый Пес Турка, Бешеный Пес гнался за ним.

Зазор между нижним и верхним контейнерами — дюйм, не больше, но и это подарок. Чевас прыгнул. Взлетел на крышу нижнего контейнера — дюйма как раз хватило, чтоб оттолкнуться мысками ботинок и прыгнуть снова. На крышу верхнего. Там, наверху, он зажмурился, молясь святому Хуану. Нет, ни хрена он в святых не верил, но когда молишься, лучше получается отводить глаза. Главное вести себя тихо. Сейчас он снимет ботинки, спустится вниз и уйдет. Где там этот putito¹?

Зная, что его уже не видно, Чевас неслышно подошел к краю, глянул вниз. Бешеный Пес остановился прямо под ним, озираясь, подняв голову, втягивал ноздрями воздух. Пес и есть. Говорили, что у него собачий нюх. Еще говорили, что он ни хрена не видит, типа ему свет глаза режет, и поэтому он всегда носит черные очки. Черные очки ночью. Да он в натуре долбанутый!

С двадцатифутовой высоты Бешеный Пес не казался страшным. Белоголовый пацан, которому и пива не нальют, потому как он не то, что на двадцать один, он и на восемнадцать не тянет. Росту пять с половиной футов, черные очки и плащ на полтора размера больше, чем нужно. Чего в нем бояться-то, madre? Надо просто пристрелить ублюдка! Отсюда это должно быть безопасно, и промахнуться невозможно — близко же. Несколько пуль в голову, а потом, пока Пес не может двигаться, пока пережигает кровь на то, чтоб восстановиться — спрыгнуть вниз, отрубить башку, вбить нож в сердце.

Но Чевас сейчас не хотел бы выдать себя ни единым звуком, ни одним резким движением. Он не боялся. Уже. Просто незачем рисковать.

Поговаривали, что у этого гринго, которому едва исполнилась сотня лет, очень старая кровь. Старая, сильная. Страшная. Говорили, он выпил кровь и душу своего ратуна². За это убивают. Всюду, даже здесь, в Алаатире, где никому до законов дела нет. А этот цел. Значит, врут про ратуна, но про старую кровь, может и не вранье. Что Чевас точно знал, так это то, что кличка Бешеный Пес — это, puto madre, добрый совет держаться подальше от долбанутого гринго. И кличка Белый Пес Турка — тоже. Но с Турком, хоть лучше и не шутить, всегда можно попробовать договориться. Турок нормальный мужик, он за порядок, он сам за порядком следит, не беспредельщик, не отморозь. Чевас думал, раз Пес — Турка, значит Турок ему приказывает. Все в тийре знают, что Турок спускает своего гринго с цепи, когда дело край, когда по-хорошему не понимают, и по-плохому не понимают, и даже очень плохое уже не помогло. Вот тогда приходит время Белого Пса, и это — всё. Хуже этого ничего не бывает. Чевас думал,

¹ Putito — жаргонное определение человека нетрадиционной сексуальной ориентации (исп.).

² Ратун — «создатель» или «отец».

все остальное время Пес на цепи. Нельзя ему позволять бегать на свободе — надо соображать, он же бешеный!

В рассказы о том, что Пес может убить за всего-то одно дурное слово про Турка, Чевас не верил. Пес-то может, не вопрос, но Турок не даст.

А оказалось, что Турок не против.

И вот Чевас прячется на крыше контейнера в порту, ждет, пока гринго, который младше его, мельче его — но, *madre*, все равно сильнее! — ждет, пока этот гринго убедится, что потерял след, и уйдет. Боится стрелять, хоть это и безопасно. И не знает, что делать дальше. Потому что Бешеный Пес уйдет из порта, но не из города, и все равно не даст жить, убьет при первой же встрече.

Может, получится договориться с тийрмастером? Турок прислушивается к нему... да *puta madre*, это же тийрмастер, его все слушают, он тут главный! Пусть он скажет: мистер Намик-Карасар, ну не за что вам убивать бедняжку Чеваса, ведь это правда, что вы с мистером Сплиттером охотитесь вместе, и это естественно, что о вас ходят разные слухи. Так что же странного, что глупый бедный Чевас повторяет их? Ведь не зря же он глупый. И неспроста он бедный. Он все понял и больше не будет.

Чевас так хорошо представил себе тийрмастера, который говорит это Турку. Прямо слово в слово услышал. Так по-дурацки никто больше не говорил во всем Алаатире. Они же правда вместе охотятся, Турок и Пес. Все знают, что это значит, так почему об этом вслух сказать нельзя?

Бешеный Пес снял очки, и Чевас увидел, что у него глаза покрашены. Натурально, подведены черным, как у бабы или какого-нибудь гота. *Cojonudo*³! Чевас подумал, что это же смешно! Турок охотится с парнем, который красит глаза! Смешно же, ну?! Но смешно не было. Густо подведенные черным глаза гринго были... как дневное небо. Чевас триста шесть лет не видел синего неба. Нет, он точно был не из тех, кто засматривается на парней, но небо днем, небо при свете солнца — когда еще получится увидеть такое? Турок охотится вместе с этим парнем, может каждую ночь смотреть на него. Турку повезло.

— Иди сюда, *saukerl*⁴! — Пес отвернулся, и Чевас раздосадовано подался ближе к краю контейнера. Он хотел видеть небо, он думал, что, может быть, увидит и солнце. — Я жду! — в голосе Пса было нетерпение.

Чевас не мог ему отказать: ради того, чтоб еще раз взглянуть в эти глаза, он был готов на все. Не убьет же. Кого он может убить, этот мальчик? И Чевас спрыгнул вниз с двадцатифутовой высоты. Вниз проще, чем вверх. И быстрее. Он прыгнул, и его стало видно, и синие глаза гринго прищурились. Черные очки еще не успели упасть на бетон, когда в руках Бешеного Пса появились два пистолета.

Он расстрелял Чеваса на лету. Двенадцать пуль в голову. Всё как рассказывали. Так он и убивает вампиров: сначала пули в голову, потом нож в сердце, а потом — огонь.

Неспособный пошевелиться, Чевас мешком свалился на землю, тело отдалось болью, не настоящей, но, *madre*, до чего же сильной! Последнее, о чем он взмолился богу, в которого не верил, это о том, чтобы все стало неправдой, чтоб Бешеный Пес исчез, чтоб его не было! Пожалуйста, Господи, пусть его не будет!!!

И Пса не стало.

Он исчез вместе со своими пистолетами, своим плащом и дурацкими черными очками. Хотя... нет. Очки остались валяться на земле. Чевас видел их краем глаза.

Надо было пережечь кровь, чтоб исцелить раны, найти кого-нибудь, кого можно очень быстро съесть, кого-нибудь, кого не хватятся или хватятся не сразу. И надо было забрать очки.

³ *Cojonudo* — выражение крайнего изумления (исп.).

⁴ *Saukerl* — весьма уничижительная и малоцензурная характеристика (нем.).

Это трофей. Puta madre, настоящий трофей! Бешеного Пса больше нет! Об этом никому нельзя говорить, очки никому нельзя показывать, но его больше нет, и это главное!

* * *

Эрте сказал ждать на Рейлинплац, там, где открываются порталы. Как всегда, ничего не объяснил. И понятно было бы, если б он выделялся своим даром провидца, напускал туману, чтоб выглядеть значительней, так ведь нет, ему это не надо. Он просто так ничего не объясняет, не считает нужным, и все. Может, снисходи он до объяснений, они бы меньше ссорились. А может и нет. Нелюбовь к приемному отцу тлеет как угли, иногда разгораясь до ненависти, но чаще, как сейчас, мерцала привычным глухим раздражением. Ну его к акулам! Мартин встретит, кого там надо встретить, потом сдаст Эрте с рук на руки, и дальше не его забота.

По другую сторону фонтана на мостовой засветился радужный круг, как масляное пятно на воде. Еще шесть секунд... Мартин выкинул сигарету в урну, встал, скрытый от портала подсвеченными водяными струями, машинально начал обратный отсчет. Радужные переливы становились все ярче. На шестой секунде круг вспыхнул так, что пришлось прищуриться, и погас. На площади у фонтана остался человек. Тощий подросток, белоголовый как одуванчик.

Зачем Эрте могло понадобиться это чучело?

Ладно, надо дать ему осмотреться. Сейчас он злится или испуган. Через пару минут начнет удивляться, тогда можно будет подойти. А там всё как у психологов: отрицание, гнев, торги, депрессия, принятие. Скукота! Все выпортоши поначалу одинаковые.

— Долбанные феи! — услышал Мартин сквозь шум воды, — сраные, мать вашу, цветочные ублюдки, дюймовочки поиметые...

То, что новичок ругался как извозчик или автослесарь, это бы еще ничего, Эрте и не обещал приличного человека, Эрте, собственно, вообще ничего не обещал. Но то, что ругательства время от времени прорывались самым настоящим рыком, тяжелым, низким и непонятно где помещавшимся в этом недомерке, это было... это отчасти объясняло, в чем интерес. Новенький — нелюдь, нелюди бывают полезны. Но не до такой же степени, чтоб отправлять Мартина лично их встречать.

Взяв, наконец, на себя труд взглянуть на блондина повнимательнее, Мартин озадачился снова. Тот был мертвым. Или не-мертвым. Словом, из всех нелюдей, которых Хаос и судьба закидывали на Тарвуд, Эрте умудрился выбрать самый скучный и бессмысленный вариант — упыря. Днем бесполезен, ночью ограниченно функционален, тем же феям в подметки не годится, да еще и неконтролируем, пока не поест досыта. Ну... мит перз⁵! Эрте достал уже со своими закидонами.

Однако, поскольку достал Эрте Мартина уже давным-давно, а новенький был не виноват ни в этом, ни в том, что оказался на Тарвуде, надо было объяснить ему, что произошло, куда он попал — встретить, в общем, по доброй тарвудской традиции.

Мартин обошел фонтан, оказался с пришельцем лицом к лицу и словно натолкнулся на синий пронзительный, яростный взгляд. Подведенные расплывшейся черной краской глаза новичка, — штезаль⁶, да он и правда совсем пацан, ему же и двадцати не исполнилось! — казались ненормально яркими. Не сапфиры даже, какая-то дикая светящаяся ляпис-лазурь. Днем это, наверное, еще ничего смотрится, но ночью в дрожь бросает. Ночью цвет глаз должен быть не виден. Синие, карие, зеленые — в темноте все они кажутся черными.

В состоянии легкой ошарашенности Мартин едва не спросил новичка, зачем тот злоупотребляет спайсом. Но включил все-таки мозг — незачем злить и без того злющего упыря — и сказал:

⁵ Ругательство с невежливым упоминанием отца (зароллаш).

⁶ Ругательство с невежливым упоминанием некоторых частей тела эльфов (искаженный зароллаш).

— Привет, я Мартин. Мне тебя велено встретить и отвести. Ты вампир, так?

— Типа того, — отозвался парень, голос у него оказался низкий и чистый, — вампир, но дружелюбный.

— Угу, — Мартин вздохнул, — дружелюбный. Я вижу.

То ли он привык, то ли глаза перестали быть такими яркими, но теперь на новичка можно было смотреть не передергиваясь. Совсем мальчик, не то что двадцати, а даже и восемнадцати еще нет, пожалуй. Смешной. Сколько у него сережек в ушах? Штук по двадцать в каждом. И колец на пальцах столько же. Юный панк, очень грозный и очень злой. Тарвудский портал штука недружелюбная, прежде чем выплюнуть очередную жертву сюда, на Рейлинплац, он мотает ее внутри себя, как в миксере. Этому еще повезло, что на нем плащ из толстой кожи, почти доспехи. Был бы в какой-нибудь джинсе или в шелках, как многие, выпал бы сюда в лохмотьях. Пришлось бы, чего доброго, еще и шмотки ему покупать. Эрте, мит перз...

Впрочем, Мартину уже и самому было интересно.

— Я Заноза, — сообщил упырь и посмотрел в затянутое тучами небо. — А что, звезд нет? Это то место, где небо белое и солнца не бывает?

— Солнце здесь бывает, и еще как, и небо синее. Просто сейчас ночь и облачно.

— Ага. Значит, чертовы феи меня не прикончили, а только куда-то выкинули. И куда? Где я? Какой это город? Или страна? Блин, говоришь-то ты по-английски, но я акцент разобрать не могу.

Он знал про Ифэрэнн. Все интереснее и интереснее. Кто из упырей знает о нем? Маги какие-нибудь, ученые, мистики, но не припанкованные же пацаны с расплывшейся вокруг глаз подводкой.

— Не спеши, — сказал Мартин, — это не страна и не город. Ты на Тарвуде, на острове посреди Хаоса. И говорю я по-итальянски, но у Тарвуда есть такая особенность: здесь все понимают всех.

— Глоссолалия, — буркнул Заноза. — Пятидесятники не ошиблись насчет чуда, но промазали планетой. Про остров в Хаосе херня какая-то. Типа, это что, единственный кусочек порядка посреди бардака? Не бывает такого, — он мрачно огляделся, и, кажется, вид ярко освещенной цветными фонарями площади, витрин уютных кафе, в этот час почти пустых, разноцветных струй фонтана, омывающих ледяную статую приподнявшейся на цыпочки юной девушки — словом, вся красивая и мирная картинка ночного Тарвуда не доставила ему радости. — Не бывает, потому что хаос повсюду, — подытожил упырь.

— Хочешь верь, хочешь нет, — Мартин пожал плечами. — Тут, между прочим, и эльфы есть.

— Еще бы их тут не было, раз меня сюда феи закинули. Суки... — Заноза оскалился. Клыки у него оказались не такими, как у вампиров в фильмах, а длинными и тонкими, как у кобры.

В представлении Мартина Ифэрэнн и феи между собой сочетались вполне логично, но джинсы и берцы, и плащ из тяжелой кожи, и все эти серьги, браслеты и кольца из титана и анодированной стали не подходили ни феям, ни Ифэрэнн. Точнее, у фей и такого добра хватало, а в Ифэрэнн Занозу в его кожаных шмотках приняли бы именно за вампира, а не за панка, но то феи и Ифэрэнн, а то англоязычный парень из...

— А ты откуда? — спросил Мартин.

— Алаатир... Scheiße⁷, нет... Лос-Анджелес, Калифорния, — Заноза снова огляделся и тихо выругался. — Теперь надо называть не только город и штат, но еще и страну? И долбаную планету?

⁷ Распространенное немецкое ругательство, восклицание, выражение эмоций. Переводится, в том числе и как «дерьмо», но переносных значений больше.

«Теперь надо называть»? Мартин все ждал, когда он скажет, что ему нужно домой. Всем всегда нужно домой, у всех всегда дома неоконченные дела, друзья, любимые, снова неоконченные дела, да вообще вся жизнь. Но чем дальше, тем больше создавалось впечатление, что Заноза возможности вернуться даже не рассматривает. Может, потому что мертвый? Никакой «всей жизни» у него нет, так что и терять нечего?

— Что у Кошака к тебе? — спросил он, полагая, что раз уж Эрте ничего не рассказал, то можно навести справки с другой стороны. — Давно вы знакомы?

Упырь вдумчиво обшаривал карманы, сосредоточенный, мрачный. В конце концов извлек смятую пачку «Житана» и вытряхнул из нее в ладонь раскрошенные сигареты. Все-таки портал не пощадил и его, кожаный плащ не панацея.

— С кошками не знакомился, мне столько не выпить, — Заноза высыпал сигареты обратно в пачку, обвел площадь прицельным взглядом и запулил «Житан» в ближайшую урну.

«Хороший бросок, — отметил про себя Мартин, — для того, чьи возможности уже ограничены Ядром, даже очень хороший».

— Ты его можешь знать, как лорда Эрте соги Алакрана.

Он не увидел в синих глазах узнавания и махнул рукой:

— Акулы с ним, с Эрте, — достал свои сигареты, протянул Занозе открытую пачку. — Угощайся. Что дальше думаешь делать?

— Для начала узнать, как тут зарабатывают деньги, не нарываясь на проблемы. — Заноза взял у Мартина сигарету, и, когда щелкнула зажигалка, почему-то прищурился. Прикурил так осторожно, как будто крошечный огонек мог обратиться в огромную пасть с клыками и откусить ему голову. — А потом, — он выдохнул дым, — узнать, как тут нарываются на проблемы, нарваться и начать зарабатывать нормальные деньги. Независимо от наличия эльфов. И еще мне нужны очки. Черные. Или место, где не так светло. Лучше прямо сейчас, — он щурился, моргал все чаще; глаза, правда, по-прежнему были очень синими и слишком яркими, но теперь Мартин эту синеву почти и не видел из-за постоянно опущенных ресниц.

Ему здесь слишком светло? Среди ночи? Слишком светло от безобидных цветных фонариков? Зачем он такой мог понадобиться Эрте, если они даже не знакомы?

— Ладно, пойдем в Парк, — Мартин направился через площадь, прикидывая, какие улицы тут потемнее, и насколько безопасно будет идти с упырем по тем из них, что хуже всего освещены. Насколько безопасно для упыря. Тому еще много неприятного предстоит узнать о Тарвуде. Рано или поздно захочет домой, никого это не минует.

В Парке было темно, а еще в Парке была осень. А в городе весна. И Заноза ненадолго остановился под аркой кованых ворот, принимаясь, оглядываясь, потом сделал несколько шагов вперед, подобрал упавший лист и отпустил, глядя, как тот мягко спланировал ему под ноги.

— Опять феи? Здесь осень или весна?

— В Парке чаще осень, — Мартин сунул руки в карманы, дошел до лавочки и сел, вытянув ноги. — Присаживайся, чего стоять? В Золотом Лесу вообще всегда осень. В Садах весна и лето. В Боголюбровке вечное лето. А в городе и на остальном Тарвуде нормальная смена времен года. Май у нас сейчас. Преимущественно. Ты есть хочешь?

— Мертвяки всегда есть хотят, — отозвался Заноза, который уселся на другом конце лавочки, — но если ты спрашиваешь, голоден ли я, то нет, пока нет. Как здесь охотятся? На кого? Кто выделяет охотничью зону? Сколько тут других вампиров и где их искать?

— Охотятся, в смысле, кого едят?

— Да люди, так-то, не еда, мы просто кровь их пьем.

— Мне люди без разницы, хоть едой их называй, хоть донорами. Моих не тронешь, и я тебя не трону, убивать без повода никого нельзя, вот и все правила. Моих людей я тебе покажу, их немного. А бодрствующих вампиров кроме тебя в Тарвуде нет, так что ешь, кого захочешь.

Кроме того, в таверне Мигеля всегда можно купить кровь в бутылках. Там, кстати, и номер можно снять, и так мы, пожалуй, и сделаем. Теперь о социализации, — лексикон Занозы подошел бы испорченному восьмикласснику, и знания длинных слов не выдавал, но Мартин помнил его заявление про «глоссологию», и, понятия не имея, что это за штука такая, предположил, что упырю знакомы слова любой длины и сложности. Просто он хорошо притворяется. — Тебе нужно будет получить аудиенцию у княгини. Паспорт, подъемные, возможно, какая-нибудь работа. Ты что умеешь делать?

— Как обращаться к княгине? — в свою очередь поинтересовался Заноза.

— Без понятия. Это у людей надо спрашивать. Я-то демон, я с ней по имени. Так что ты умеешь делать?

— Ты... что? Кто? — кажется, в первый раз с того момента, как прошел первый приступ ярости, Заноза проявил хоть какие-то эмоции. — Демон? Настоящий?!

Боги, да какой он восьмиклассник? Он детсадовец! «Уау! Круто! Демон!» — Мартин это у него на лице увидел так ясно, как будто вдруг научился мысли читать. И сам от себя такого не ждал, но восхищение оказалось приятным.

— Настоящий, конечно, — ответил он небрежно. — Какой же еще?

— А летать ты умеешь? — Заноза развернулся к нему всем корпусом. — У тебя крылья есть?

О том, чтобы разочаровать его, даже думать не хотелось. Что ж такое? Нельзя так вестись на глупый детский восторг.

— Нет, летать не умею, и крыльев нет. Зато есть когти и зубы.

К удивлению Мартина, и, надо признаться, к некоторому его облегчению, в изумленном и восторженном взгляде не появилось и тени разочарования. Заноза помотал головой и уверенно сказал:

— Крылья есть. Не может не быть. Но хрен с ним, сделаем вид, будто я тебе поверил. Если б у меня были крылья, я бы тоже их первому встречному не показывал. Так что ты спрашивал? Что я делать умею? Чувак... — он ухмыльнулся, — да буквально всё. Не проси меня писать стихи, рисовать или загорать, а с любым другим делом я справлюсь. Если же говорить о предпочтениях, — он ненадолго задумался, — я программист, но в сраной Небывальщине это никому не нужно, а еще я инженер, и это по-любому нужно где угодно, даже в Небывальщине.

Мартин очень сильно сомневался, что Эрте нужен инженер. Или программист. Что-то этот упырь мог еще. Но «что-то» в списке, состоящем из слов «буквально всё», могло оказаться чем угодно.

— Слушай, — сказал он, раздумывая над тем, что собирался предложить, — у нас с женой тут... агентство. Разовые контракты на... разную работу. Не на Тарвуде. Там и программист может понадобиться. Хотя обычно нас больше хакеры интересуют. У тебя с этим как?

Лицо у Занозы стало скучным, а улыбка — натянутой.

— Я, на хрен, без понятия, о чем ты говоришь, — отбарабанил он голосом, который больше подошел бы роботу, а не парню, который только что буквально искрился от эмоций, — взлом данных это нарушение закона. Но если, скажем, ты проимел какую-то свою информацию, или доступ к каким-то своим базам, или контроль над каким-то своим бизнесом, то, — он снова улыбнулся по-настоящему, и снова показался живым, — без проблем. Честно, чувак, не написано еще кода, который я бы не смог сломать. Я лучший, — он помолчал пару секунд и добавил задумчиво, как будто не хвастался, а констатировал нечто общеизвестное, — в этом лучший, и во многом другом.

С бахвальством и излишней самоуверенностью Мартин сталкивался не раз. Они с Лэа выпроводили из конторы немало придурков, воображавших о себе невесть что и не способных подтвердить хотя бы десятую часть заявленных талантов. Даже если делать поправку на Тарвуд, превращавший профессионалов в неумех, а неумех — в полное ничтожество, люди все равно

переоценивали себя так же часто, как недооценивали. А придурки еще чаще. Но вот с таким хвастовством, вдумчивым, сдержанным и притом ну совершенно же разнузданным, раньше встречаться не приходилось.

— В таверну мы всегда успеем, — решил Мартин, — а сейчас пойдем-ка дойдем до конторы. Там есть анкеты, тесты, сориентируем тебя... профессионально. А может, от Эрте уже пришло что-нибудь, тогда разберемся, чего он от тебя хочет.

Город был большим. Мартин не знал точно, сколько в нем жителей, но места хватало всем, а в сложные времена, когда пришлось столкнуться с нападением извне, из-за пределов Тарвуда, внутри городских стен удалось разместить всех или почти всех обитателей острова. За исключением охотников, живших семьями на отдаленных хуторах. Но до тех и солдаты, занимавшиеся эвакуацией, не добрались, куда уж там пришельцам. Как хуторяне сами находили тропинки к своим домам в глухом лесу, оставалось для Мартина загадкой. Он не лесной демон, он городской, ему ночные безлюдные улицы милее самых веселых солнечных лужаек.

— Тут не заблудишься, — объяснял он Занозе на ходу. Упырь помалкивал, даже, кажется, по сторонам не смотрел, только шурился, когда выходили на освещенные фонарями участки. — Вон там, далеко, видишь? — черное, высоченное. Это Пик Генри, он у нас считается севером. Вместо Полярной звезды. Его отовсюду видно.

Он надеялся, что не ошибся, что Лос-Анджелес — это земной город, и Калифорния — земное название. Заноза его догадок насчет Полярной звезды не подтвердил и не опроверг, только кивнул.

— Мы с тобой идем по Средней слободе. Скоро придем в Ларенхейд, это деловой район, нежилой. Их два, Южный и Северный, по обе стороны от рыночной площади, — Мартин достал сигареты, вытащил одну и на ходу протянул Занозе пачку: — Забери себе. У меня еще есть.

— Ок, спасибо, — упырь вытянул сигарету и снова, как в первый раз, ощутимо напрягся, когда Мартин поднес ему зажигалку.

Что с ним такое? Как он вообще курит, если для него сигарету поджечь — проблема?

— Нам с тобой в Северный Ларенхейд, — сказал Мартин, чтобы не задумываться о том, что и так выяснится рано или поздно, — как раз на границу между ним и Средней слободой. Можно было бы напрямик пройти, но в Ларенхейде светло слишком. Фонари, витрины, реклама, еще и некоторые офисы всю ночь не закрываются — те, что с Портом, например, дела ведут. Мы с Лэа тоже иногда работаем по ночам. В общем, лучше обойти и по переулку к дому пробраться. А там, — он махнул рукой на маячившие слева башни и шпили, — замок Хартвин. Туда пойдешь, когда княгиня тебе аудиенцию даст, возможно, уже завтра после заката. Еще в замке разные службы: казначейство, госпиталь, казармы Гарнизона, казармы Стражи...

Наверняка было еще что-то, что-нибудь, связанное с налогами там, или с экономикой, с управлением островом, короче. Мартин не очень представлял, что именно. За Гарнизон и Стражу мог поручиться: и с теми, и с другими приходилось иметь дело. А все остальное было как тот лес. В нем вроде и есть тропинки, но где они и как их искать — непонятно. Да и зачем вообще в лес ходить?

— Квартал к югу от замка называется Замковым. Особняки, парки с фонтанами, своя охрана на улицах. Не стражники, а нормальные. Там жить дорого, но приятно. Хорошие соседи, если тебе нравятся соседи, которые к тебе не лезут.

— Идеальные, — заметил Заноза. — Но я тебе скажу, Мартин, если все так, как ты говоришь, то соседи друг к другу должны не просто лезть, а, мать их, ввинчиваться. В дорогом районе у всех со всеми отношения зашибись, и все про всех буквально всё знают. Если, конечно, это не Англия. Но это не Англия, это Тарвуд. Так с фиги ли в Замковом квартале соседи друг друга сторонятся?

— Нет, ну я не сказал «стороняться»... — Мартин задумался.

Соседи у них были неплохие. Через улицу жила семья Венчки, Захария и Магда. Их сын, кажется, служил в Гарнизоне — Мартин пару раз видел его в форме. А дом рядом принадлежал эльфийке Сагите, красивой и полностью сумасшедшей. Сагита иногда закидывала к ним во двор куски протухшего мяса. Не со зла, а потому что была уверена: тухлое мясо — любимое лакомство демонов, а холодильника в ее доме не водилось.

Мясо Мартин неизменно убирал. Сагита, наблюдавшая за ним из диких зарослей, в которые давно превратился ее сад, убеждалась, что он и правда любит тухлятину — других причин для того, чтоб забрать и унести со двора двух-трехкилограммовый кусок вонючей оленины, она не видела — и выхода из этого порочного круга Мартин не находил. Даже если подарить Сагите холодильник, часть оленины она все равно будет держать в тепле в качестве особого демонского угощения.

А Венчки никогда их с Лэа не доставали, не приходили в гости и не приглашали к себе. Хотя вообще-то, если вспомнить, приемы они устраивали часто. И сами, нарядные, уходили по гостям чуть не каждые выходные. И остальные соседи между собой как-то общались. Да вон, начиная с апреля раз в две недели пикники в Парке, на берегу озера Чарауниц, там почти весь Замковый бывает. Заноза прав, тут все друг друга знают и кучу времени вместе проводят. Получается, что только к ним с Лэа не лезут. Или уже можно говорить не «не лезут», а «стороняться»? Интересно, почему? Точно не потому, что он демон. Демоном он всегда был, и никому это раньше не мешало.

Мартин задумался было над тем, когда закончилось «раньше» и началось «сейчас», но увидел, что окна агентства освещены.

— Вон тот дом, — показал он, — и, кажется, я прямо сейчас познакомлю тебя с Лэа. Хорошо, что ей блондины не нравятся.

* * *

Всё было неправильно. Абсолютно всё. Ничего и не могло быть правильным в Небывальщине, но понимание того, что неправильно — это так, как надо, никогда не помогало.

Заноза злился. Злость постепенно превращалась в бешенство. Беситься было нельзя, злиться тоже, а насколько еще хватит его умения притворяться, он не знал. И от этого злился только сильнее. Он терпеть не мог притворяться. И он остался без оружия, а значит, в любой момент любая угроза могла показаться чрезмерной. Он понятия не имел, что тогда сделает, и таким образом сам становился угрозой не просто чрезмерной, а еще и непредсказуемой.

Собственный характер должен был бы бесить сильнее всех внешних обстоятельств, да только Заноза слишком себя любил.

Еще он знал, что демону могут быть нужны его эмоции, следовательно, демон мог специально его провоцировать. Но это знание оставалось в той части разума, где хранились свидетельства о невозможном. То есть явления, о существовании которых он точно знал, но в которые не поверил бы, даже ткни его носом. Демонов не бывает. Они есть, это факт, но их не бывает. Знания о демонах бесполезны, и то, что они где-то подхвачены и сложены в памяти, полезными их не сделает. А еще... безотносительно демонов вообще, этот конкретный демон, назвавшийся Мартином, ни хрена ни на что его не провоцировал. Искренне хотел помочь и так же искренне любопытствовал. Заноза злился и на него тоже, но злился за то, в чем Мартин был не виноват и за что не мог отвечать. Занозу бесило, что у этого демона есть все, чего сейчас нет у него. Есть дом, есть деньги, есть оружие — две сабли Мартин носил открыто, в портупее на поясе — есть знание ситуации и умение в ней ориентироваться.

Чего не хватало больше, трудно сказать. Оружия? Да, пистолеты было жаль, они сгинули в утащившем в Небывальщину вихре, а без них... сложно. Но не сложнее, чем без денег. И

не сложнее, чем без понимания своего места и своих возможностей. Короче, сложно было без всего, чего не было. Без всего, что было у Мартина. Только Мартин в этом не виноват.

«Думай про позитив», — сказал себе Заноза.

Слова привычные, они уже давно до того привычные, что смысл потерялся, понимание превратилось в рефлекс. Сказано «думай про позитив» — и мысли сами переключаются на поиск хоть чего-то хорошего.

Это Лайза научила. Давно еще. В те времена, когда хорошего вообще ничего не было. Выбор был: или стать как она, или найти способ все изменить. Стать как Лайза получилось бы само, и даже казалось, что так и надо, что это лучше всего. Вот тогда она и научила, что нужно думать о хорошем. Без разницы, что его нет. Что-нибудь есть все равно. Тогда он думал о Лайзе... ну, и еще о разном. Тогда было гораздо хуже, чем сейчас. Сейчас... лучше?

Заноза искоса глянул на Мартина. Хорошо уже то, что они одного роста. Значительная часть мужского населения Земли смотрела на Занозу сверху вниз, и это было не так уж плохо, потому что им приходилось наклоняться, чтоб не упустить его слов, а тот, кто склонился, уже проиграл. Но это бесило, потому что он тоже мог бы быть высоким, если бы прожил подольше, если бы обстоятельства сложились иначе.

Нет, не похоже на мысли про позитив. Заноза заставил себя переключиться. Итак, Мартин. Невысокий, непонятный, красивый. Породистый. Зеленоглазый брюнет, такие женщинам нравятся, в романах и в кино нарасхват. В реальности женщинам нравились мужчины настолько разные, что у зеленоглазых брюнетов просто шансов не оставалось. Где уж стройному черноволосому красавцу, похожему то ли на корсара, то ли на танцора, тягаться с лысоватыми пузанами, сутулыми очкариками, бородатыми громилами, старперами в смокингах и шизанутыми преподавателями физики? Имя им легион, самым разнообразным, до того нетипичным, что синеглазым блондинам и зеленоглазым брюнетам как представителям классических романтических типажей просто ловить нечего.

«Что плавно переводит тему размышлений про позитив к черноглазому мистеру Намик-Карасару», — Заноза ухмыльнулся. Это и правда был позитив. Хасан уже к утру его потеряет. К завтрашней ночи начнет искать. Сразу не найдет, это ясно, но Чеваса точно выпечит. Этот *pisser*⁸ был последним, кто о них трепался вслух. Не поверил, придурок, что за длинный язык можно укоротиться на голову.

И ведь не укоротился...

Заноза сердито зашипел. Мартин бросил на него вопросительный взгляд. Пришлось сделать вид, будто свет из окон режет глаза. Он резал, но не так уж сильно: жалюзи были опущены, а чтобы защититься от лучей, пробивавшихся сквозь щели, достаточно было прищуриться.

Ну и что тут? Кованая вывеска над дверью. И непривычно незнакомые буквы.

Заноза сбился с шага, до того это оказалось неожиданно. Он знал все алфавиты всех языков Земли, доросших до письменности. Даже не подумал, что здесь не Земля, и от его знаний никакого толку. Обнаружив, что не может читать, он в первый раз с момента, как попал в заколдованный смерч, почувствовал себя... неудобно. Это тоже решаемая проблема, такая же как деньги, такая же как жилье и оружие. Но деньги, жилье и оружие он всегда добывал себе сам, и знал, как существовать без них, а умение читать — это же как кровь. Без него невозможно!

— Что? — спросил Мартин. И тут же сам понял: — Язык, да? Буквы-то быстро выучить, не парься. Тут написано «агентство «Сид». Я Мартин Соколов, а у Лэа фамилия Дерин. Просто сложили первые буквы вместе. На родине Лэа сидами называют фейри.

— Угу...

⁸ *Pisser* (нем.) — характеристика не менее уничижительная и нецензурная, чем «saukerl».

Мартин прав: если понимаешь язык, научиться читать не проблема. Достаточно один раз увидеть алфавит и узнать, как произносятся буквы. Ему уже не два года и самый сложный этап, складывание слогов в слова, заново проходить не придется. А Дерин — ирландская фамилия, и фей сидами называют ирландцы. Только этого не хватало! Но если эта Лэа с Земли, и если с Тарвуда можно выбраться, то наверняка можно выбраться с Тарвуда на Землю.

Чевас завтра ночью будет убеждать Хасана, что Бешеный Пес просто исчез. Был шанс, что Хасан ему не поверит и упустит ниточку, ведущую к Данке и феям. Если Лэа с Земли и если на Землю можно вернуться, то и хрен бы с ним, с Чевасом, пусть Хасан его так без толку и убьет, это будет уже не важно.

Дверь, кстати, хорошая. Какая-то даже чересчур хорошая для так хорошо освещенного района. А хорошо освещенный район как-то очень уж безлюден для центра города. Ночь-то еще не поздняя, для прогулок самое время. И гулять тут есть где: вокруг площади с фонтаном до хрена разных заведений, культурных и не очень. Небезопасное, стало быть, место город Тарвуд на острове Тарвуд. Много света, мало людей, крепкие двери в хороших районах, а в нехороших, наверное, решетки на окнах, и ни одна здравомыслящая леди не выйдет на улицу без перцового баллончика в кармане. Мартин говорил про стражу, мол, в замке есть казармы. Замок недалеко, вон она, стена, монолит чернее черного неба, а стража где? Мартин сказал, что в Замковом районе улицы патрулируют «не стражники, а нормальные». «Нормальные» означает — не купленные? Соблюдающие закон? Или как раз купленные жителями Замкового? Что ж, при любых раскладах не так здесь и плохо. Если б не нужно было домой, если б домой не нужно было позарез, здесь можно было бы остаться и осмотреться. Слишком много интересного и непонятного, чтоб просто все оставить и уйти.

Но нет уж, нафиг! Дома интересного и непонятного куда больше, а еще там Турок, и он один пропадет.

Глава 2

*А следом за этим шальным человеком,
Словно скользящий по комнате блик,
Ошеломлена своим же побегом
От мира грез и гнета улиц,
Идет девчонка — принцесса-гулена,
Ее шаги звенят об асфальт
Чистейшим звоном камертона,
В котором абсолютно немыслима фальшь.
Светлана Покатилова*

Мартин знал, что Лэа почему-то считают некрасивой. Он не встречал женщин красивее никогда и нигде, за все свои две тысячи лет, во всех мирах, в которых довелось побывать. Но люди смотрят на других людей иначе, чем демоны, и люди видели Лэа как-то иначе, чем он.

Приемная пустовала, кабинет тоже. Мартин кивнул Занозе на одно из кресел:

— Давай свой плащ и садись. Лэа в арсенале, кажется.

Заноза помедлил, но все же снял плащ, оказавшийся тяжеленным. Чем таким у него были набиты карманы, кирпичами или свинцовыми чушками? Черную без рисунков и надписей футболку пересекали ремни кобуры скрытого ношения, но оружия не было. Зато по обеим рукам от локтей к запястьям скатились, звеня, десятка полтора разнообразнейших браслетов. Широкие, узкие, с подвесками и без, браслеты-цепочки, браслеты-наручи, браслеты с чеканными узорами, браслеты гладкие, без узоров вообще. В сочетании с унизывающими пальцы кольцами и несчитанными серьгами в ушах это выглядело уже даже не забавно. В таком количестве украшений явно был какой-то смысл.

— Куда стволы девал? — поинтересовался Мартин, вешая плащ на распялки в стенном шкафу.

— Проимел в долбаном урагане над Канзасом. Ты что, издеваешься?

Все ясно. Каким-то образом пистолеты он потерял, когда оказался в портале. Может, в руках были? Интересно.

— Во время перестрелки накрыло? — Мартин всем своим тоном постарался дать понять, что и не думает издеваться. — В Тарвуд часто выносит прямо из боя и вообще из критических ситуаций. Многим порталы жизнь спасли.

Упырь зыркнул на него так мрачно, что стало ясно: лучше б Мартин издевался. Даже смешно размазавшийся макияж не смягчил вспыхнувшей в синих глазах злости.

— Мою жизнь спасать уже сто лет как не надо.

— Ну, не-жизнь. Да ладно, не хочешь, не рассказывай. Сейчас я Лэа позову. Познакомись.

Он собирался сходить за женой, но она сама появилась в дверях. В одной руке пластиковый арбалет, в другой — коммуникатор, рукава комбинезона закатаны до локтей, на поясе ножны с кишкодером. Сразу видно: дама в офисе, в рабочей одежде. Дресс-код это важно.

— Мартин! — Лэа вприпрыжку пронеслась через кабинет, на ходу бросив арбалет в кресло. — У господина Эрте для нас задание.

Она обняла его свободной рукой, чмокнула в губы, сунула под нос коммуникатор:

— Вот, почитай. Вампиррры!

И тут Заноза поднялся из кресла и, к изумлению Мартина, поклонился Лэа:

— Добрый вечер, миссис Дерин-Соколоф.

Одним прыжком Лэа оказалась у дверей. Когда она успела схватить с кресла арбалет — непонятно. Чего испугалась, Мартин тоже не понял. Сам он на несколько секунд растерялся, переводя взгляд с Занозы на Лэа и с нее на Занозу.

Они были похожи! Нет, не как брат с сестрой, но... кокрум⁹, да, как брат с сестрой! Светлые волосы, светлые глаза, черты лица тонкие как у эльфов. У Лэа волосы пшеничные, а глаза серо-голубые, Заноза — беловолосый и синеглазый, вот и вся разница. Они даже ростом и сложением походили. Лэа, с ее спортивной фигурой и короткой стрижкой, вообще часто принимали за мальчика. Правда, Заноза, даже отрасти он волосы подлиннее, не сошел бы за девочку, но походить на Лэа ему это не мешало.

Мартин постарался не ухмыльнуться, ситуация к веселью не располагала.

— Откуда ты взялся? — спросила Лэа.

Она держалась на расстоянии, но можно было не сомневаться, что, дернись Заноза слишком резко, Лэа вмиг окажется достаточно близко, чтобы перерезать ему горло.

— Арбалет же не заряжен, — в голосе упыря было неподдельное удивление. — Миссис Дерин-Соколоф, я пришел с Мартином только что.

— Не гони! — замечание насчет того, что арбалет не заряжен, Лэа проигнорировала. — В коридоре камеры. Я видела, как Мартин пришел, он был один.

— Меня камеры не видят, — сказал Заноза медленно. Провоцировать Лэа он явно не хотел, независимо от того, может ли она выстрелить. — Еще у меня нет тени и отражения.

— Мартин, — Лэа вздохнула, — это что? Опять какой-то мальчик-демон? Где ты их, блин, находишь? Что тебя на нормальных не тянет? Ты посмотри, он же размалеван, как... — она не сказала вслух, как кто, вместо этого спросила, то ли зло, то ли устало: — Ему хоть пятнадцать-то есть?

Это была Лэа. Это была та черта ее характера, которая иногда восхищала Мартина, а иногда, в зависимости от ситуации, становилась утомительной. Готовность драться с любым, кто ей не понравится, и ревность ко всему, что движется. Раньше Мартин думал, что ко всему, что движется и дышит. Теперь последний пункт можно было вычеркивать — Заноза не дышал.

— Лэа, — он подошел к жене, поцеловал ее в щеку, — это Заноза, он вампир, новичок на Тарвуде. Эрте попросил меня его встретить.

Лэа фыркнула и тряхнула головой.

— Что тут смешного? Не ври, что не смеешься! Между прочим, если бы ты побольше рассказывал мне о своих делах с господином Эрте, я бы... ладно. Привет, Заноза, — бросила она, — приятно познакомиться, я Лэа. А ты чего мне поклонился? Перепутал с кем-то?

Упырь озадаченно нахмурился. Мартин очень, очень старался не смеяться. Перепады настроения любимой жены были еще одной гранью ее невероятной и опасной красоты. Привыкай, Заноза, привыкай. Ты ведь тут задержишься, тебе с Лэа часто придется дело иметь.

— Я так привык, — ответил Заноза задумчиво, как будто осмыслял собственное поведение, — леди входит, нужно встать и поклониться. Вы — леди.

— Что, правда? — Лэа хмыкнула.

— Вы живете в самом дорогом районе города, ваш офис занимает целый дом в Даунтауне, вы замужем за демоном, который накоротке знаком с правительницей Тарвуда, и вы можете себе позволить обругать совершенно незнакомого человека, — перечислил Заноза, не моргнув глазом, — настоящая леди. Еще вы очень красивая, — добавил он неожиданно, — а это самый верный признак.

— Ну, если самый верный, тогда зашибись! — Лэа широко улыбнулась. — Только давай на «ты». Тебе религия позволяет с настоящими леди на «ты» разговаривать? Мартин, так он вампир? И только что из портала? Он голодный, наверное. Ты же его не накормил, это к гадалке

⁹ Кокрум (зароллаш) — ругательство, выражающее недовольство тем, что жизнь порой чересчур запутанная штука.

не ходи, сразу прогрузил за дела. А он сейчас совсем оголодает и на нас накинется. Заноза, сиди здесь, никуда не уходи!

Она развернулась и вылетела из кабинета, только дверь хлопнула.

— Это Лэа, — сказал Мартин.

— Ага... — Заноза кивнул, — я понял. Офигеть!

Он сто шестнадцать лет не видел своего отражения в зеркале, но знал, как выглядит: под рукой всегда была парочка хороших художников, которые при необходимости за каких-нибудь полчаса могли нарисовать его портрет с фотографической точностью. И хотя сам Заноза не умел распознавать сходство во внешности людей, видел только различия, он понимал: любой из тех художников сказал бы, что синеглазая блондинка Лэа походит на него, как сестра-близнец. Такая красивая! И такая же резкая. Хорошо, что арбалет у нее был не заряжен. Заноза знал себя — он стрелял, не задумываясь — и у него пока не было повода полагать, будто Лэа поступает иначе.

Очень красивая женщина. Непонятно только: завидовать Мартину или сочувствовать.

Его дайн, его талант или дар, приобретенный после смерти, требовал очень любить себя. Не больше всех на свете — эгоизм был не обязателен, хоть и не мешал — а просто любить, гордиться собой, быть уверенным в своей неотразимости. Одним этим дайном возможности не ограничивались, но все же именно он был основным. И именно о нем знали лишь самые близкие. Остальное Заноза держал на виду: скверный характер; манеру сначала стрелять, потом смотреть — в кого, и даже не задумываясь, а надо ли было стрелять-то; жестокость, безжалостность, равнодушие к чужой смерти — вот он весь, Уильям Сплиттер, Белый Пес Турка. О том, каков его настоящий талант, только Турок и знал. Ну, еще Лайза, но Лайза — это совсем другое дело. Ее знания и ее фантазии были так перемешаны, что не только она не отличала одного от другого, но и Заноза не всегда мог разобраться, что в мире сестры настоящее, а что — плод ее больного разума.

Лэа была похожа на него. По крайней мере, внешне. Увидеть ее оказалось так же опасно, как Нарциссу увидеть свое отражение. Оторваться невозможно. Изменить что-то нельзя. Остается только смотреть и напоминать себе, что смотришь на себя, любишь себя, влюбляешься в себя. В себя, а не в эту совершенно незнакомую девочку.

Ну да, не вопрос, это довольно странный дайн, но что у вампиров не странно?

Лэа вернулась через минуту. Прищурившись, осмотрела их, сидящих по разные стороны стола, непонятно сказала Мартину:

— Ты даже не думай, убью обоих.

И тут же совершенно другим тоном сообщила Занозе:

— Я отправила курьера за кровью. Тут близко, через Ларенхейд на юг, мимо рынка — и уже таверна. Мартин тебе показывал? Там всегда можно свежую кровь купить. Человеческую. Не спрашивай, зачем ее продают. Для извращенцев из Порта. Мартин, ты о нем хоть что-нибудь знаешь, кроме того, что господин Эрте велел его встретить?

— Сейчас и узнаем, — откликнулся Мартин.

Он выложил на стол пластиковый прямоугольник размером чуть больше двух кредиток, потыкал в него ногтем и над столешницей появилось изображение. С виду нормальный десктоп, даже с обоями. Трехмерный только. На обоях, опять же, Лэа. Улыбается. Улыбка у нее очень искренняя, это Заноза заметил сразу, еще когда Лэа предложила перейти на «ты». Вот в чем они не похожи: у Лэа нет камней за пазухой. У нее, возможно, полон рот ядовитых колючек, но они сразу прилетают в того, кто не пришелся ей по душе. Улыбаться, чтобы потом подкрасться сзади и вбить нож в сердце, Лэа не станет. Ей в голову такое не придет.

Говорить себе о том, что делает слишком уверенные выводы для шаткого основания из двух улыбок, настоящей и сфотографированной, Заноза не стал. Очевидные истины надо оглашать не себе, а другим, других это бесит.

Как-то не вязались «замок» и «стража» с мартиновским компьютером, трехмерной проекцией вместо монитора. А компьютер, стража и замок не вязались с кровью, которая продается в местной гостинице. Впрочем, компьютер — это хорошо, это просто прекрасно. Даже не надо заставлять себя думать про позитив: любопытство вытеснило большинство других эмоций.

— Английский, да? — уточнил Мартин. — Вот смотри, ты такой язык понимаешь?

На экране появился список вопросов. Мартин смотрел на него со своей стороны, Заноза — со своей, Лэа заглянула сбоку, и, похоже, каждый видел текст в нормальном изображении, написанным слева направо на непрозрачном фоне. Интересно как!

— Такой язык понимаю, — Заноза кивнул. — Анкета рекрута?

— Типа того. Здесь все по порядку, все вопросы, которые я тебе задавать пытался, — Мартин вытянул из лежащей на столе основы тонкое стило. — В Москве это называется кибердек, вот это все устройство. Как у тебя в мире, не знаю, может, «компьютер». Мы с Лэа к «кибердеку» привыкли. Смотри, стилем можно писать, а еще, если эту кнопку под указательным пальцем держать нажатой, можно менять положение экрана. Видишь? — Он надавил на верхний край проекции, и та перевернулась параллельно столешнице. Мартин ткнул стилем в центр, и проекция просто упала на стол, стала выглядеть как лист обычной бумаги. — Еще много чего делать можно, но тебе пока только писать надо. На, держи, — он протянул стило Занозе. И хмыкнул:

— А ты левша, да?

— По ситуации. В основном, да.

Анкету он прочел сразу, как увидел: она вся на один экран уместилась. Пункт о том, что левша, отметил первым. Дальше стал отвечать по мере усложнения вопросов. Вопросы были лаконичными и четкими, ответы подразумевались развернутыми, писать предстояло много.

Пару минут понаблюдав за ним, Лэа наклонилась к Мартину, зашептала ему на ухо:

— Он не по порядку отвечает. Странно как-то...

— Это-то боги бы с ним, — ответил Мартин так тихо, что Заноза его почти не услышал, — ты на почерк посмотри.

Понятно было, что о своем очень хорошем слухе тоже нужно будет упомянуть. Но не в первую очередь. Список преимуществ получался развесистым, чуть большим даже, чем список психозов. А почерк... ну, почерк, фигли... Заноза и сам знал, что привычка писать готическими буквами, да еще и с левым наклоном, делала написанный им текст почти нечитаемым. Но Мартину никто не мешал дать ему клавиатуру, верно? Мартин не захотел, и это правильно, Заноза сам не отказывался от возможности посмотреть, как пишут те, с кем предстояло работать.

Зато буквы красивые. Прямо загляденье! А что не читаются, так это смотря кто читает. Заноза написанное своей рукой всегда разбирал легко. Даже самостоятельные работы времен колледжа мог бы прочесть без проблем, если б и так не помнил дословно. Он, между прочим, пометки преподавателей: «ужасный почерк! Невозможно читать!» разбирал с большим трудом, чем собственные записи. Еще вопрос, кто действительно заслуживал пониженных оценок за нечитаемость.

Хотя тот факт, что он до сих пор злится на эти несчастные пониженные оценки, через сто пятнадцать-то лет, для потенциального работодателя уже повод задуматься.

Мстительность Заноза честно отметил в списке недостатков, а подумав, вписал ее же в психозы. Терминологически это было неверно. Фактически же упыри такая странная штука, что у них психозом может оказаться что угодно.

Как он и ожидал, Мартин с Лэа видели то, что он пишет, не вверх ногами, а в нормальном положении. Определенно, ему чем дальше, тем больше нравилась эта техника. И ее возможности по-любому не ограничивались удобным текстовым редактором.

— Не могу прочитать, — сказал Мартин. — Это точно английский?

— Английский, — подтвердила Лэа, — только буквы как немецкие. Заноз, почему ты по-английски по-немецки пишешь?

— Как научили, так и пишу. Сначала не хотел переучиваться, потом появились печатные машинки.

Писать его учила бонна, которую матушка привезла из Германии. И матушка, и отец воспринимали фрау Мадельеф как важную часть приданого, и Заноза, ясное дело, тоже относился к ней с почтением. И никакие уроки чистописания впоследствии не отучили его от готических букв. Сначала он думал, что фрау Мадельеф лучше знает, как писать. А потом просто стало нравиться, что его почерк всех раздражает. Всегда был засранцем, чего там.

— Ну и как это читать? — Мартин вглядывался в текст.

— А ты дай ему клавиатуру, он все то же самое напечатает.

Лэа уселась было к Мартину на колени, но тут чирикнул сигнал вызова, и она пошла открывать. Заноза встал. Мартин удивленно на него глянул. И так же удивленно посмотрела Лэа, когда вернулась с бумажным пакетом.

— Кровь принесли, — она показала пакет. — Ты чего вскочил?

— Ты же встала... — нет, некоторые вещи объяснять бесполезно.

Лэа пожала плечами, поставила пакет на стол перед Занозой и снова уселась на колени к мужу. Любая женщина, которая делает так в присутствии посторонних, не запомнит и не поймет, что мужчина должен вставать, когда она поднимается на ноги. Но Лэа не любая.

— Я сам прочитаю, — Мартин одной рукой обнял Лэа, другой, зацепив экран стилем, подвинул записи поближе, поднял в вертикальное положение. — Если это можно было написать, значит, можно и прочитать.

Он откинулся на спинку кресла и нахмурился, напряженно вглядываясь в текст.

— Попробуй, Заноза, — Лэа глянула поверх экрана, — она точно человеческая, зуб даю. Эй, ты куда?

Куда-куда? На улицу. Не пить же кровь на глазах у людей! Третий раз за последнюю минуту Заноза подумал о том, что они друг друга вообще не понимают. Разные миры. Не потому разные, что планета другая. Они в головах разные. То ли в людях и вампирах дело, то ли в мужчинах и женщинах, то ли просто в воспитании.

— Я не могу есть прилюдно, — он остановился в дверях, — это напрягает.

— Тебя напрягает есть прилюдно? Как это так?! Ты же ешь людей!

Заноза всерьез задумался, в чем же все-таки проблема. В мужчинах и женщинах или в людях и вампирах?

— Я пойду, — сказал он. — Скоро вернусь.

Забрал плащ из шкафа и вымелся за дверь прежде, чем Лэа спросила его еще о чем-нибудь.

Кровь «для извращенцев из Порта»... Что бы это ни значило, он был признателен извращенцам. Потому что кровь в двух пол-литровых широкогорлых бутылочках оказалась и впрямь человеческой. А еще — идеально свежей. Холодной, но свежей. И как такое возможно, еще предстояло выяснить. Никаких посторонних привкусов. Гепарин, цитрат натрия — он знал их, сразу различил бы запах: чем только ни приходилось кормиться за сто с лишним лет. Но нет, чистая кровь. Эмоций не разобрать, взята давненько, однако для еды годится. Если питаться

ею постоянно, рано или поздно начнешь слабеть, потому что в этой крови нет не только эмоций, но и жизни, а без жизни от нее много ли толку? И все же сейчас даже это было подарком.

Заноза сказал Мартину правду: он не был голоден. Но он всегда хотел есть. Чувство сытости не наступало, сколько крови ни выпей. Голод — это не желание поесть, голод — это недостаточный энергозапас. Разряженные аккумуляторы. Они пока не разрядились, и умный упырь побережет бы кровь до момента, когда в ней появится острая необходимость, потому что когда батареи заряжены полностью, от выпитой крови никакого толку, кроме удовольствия.

Но удовольствие... устоять перед ним Заноза не мог. Не тогда, когда почуял запах.

Он опустошил обе бутылочки, сунул их обратно в пакет, а чтобы выбросить пакет, не поленился пройти пару кварталов на юг. Вроде в направлении рыночной площади, если он правильно понял объяснения Лэа. Если в таверне на рынке продают кровь, то никого не удивят бутылки из-под нее в урне где-нибудь рядом с рынком. Но совершенно ни к чему оставлять их где-то поблизости от «СиД».

Как и предупреждал Мартин, в Ларенхейде было слишком светло: фонари через каждые тридцать метров, витрины кофеен, ярко освещенные окна работающих по ночам контор — только на этой улице, по пути к рынку, Заноза насчитал восемь таких. Не спится людям? Мартин сказал, у таких дела с Портом. А еще в Порту «извращенцы», которым нужна человеческая кровь. Интересные дела у них тут. И город интересный. Жаль, яркое освещение не позволяло особо смотреть по сторонам, приходилось идти, глядя в основном под ноги, а когда становилось невмоготу — и вовсе с закрытыми глазами.

Но все равно было интересно.

Широкие, ярко освещенные улицы, мостовая вымощена плитами, подогнанными друг к другу так, что стыки получились не толще ниточки. Ларенхейд полностью электрифицирован, и, возможно, весь город тоже. А дома как будто из начала девятнадцатого века. Двухэтажные, украшенные лепниной, только вместо привычных ангелов или горгулий тут сплошь абстрактные узоры и орнаменты. Может, они что-то и символизируют, конечно. С орнаментами как с алфавитом: пока не выучишь все знаки — не поймешь, что нарисовано.

А автомобилей нет. Их не только здесь, в Ларенхейде, нет, а вообще во всем городе. Маршрут от площади до Парка и от Парка в Ларенхейд проходил через несколько городских районов, и нигде Заноза не учуял запаха бензина. Хотя, может, конечно, у них тут электро-мобили, и ездят на них только днем. А может, вообще какая-нибудь дурацкая магия. Феи же кругом. Это Небывальщина, по-любому, она просто прикидывается человеческим городом.

Ветер принес со стороны рынка целый букет теплых запахов, и Заноза, прищурившись, взглянул в том направлении. Ничего особенного не увидел: глаза уже болели, и улица сливалась в расплывающиеся круги света у фонарей, но мысли о Небывальщине из головы вылетели. Пахло конюшней и дегтем. Просто конюшней и просто дегтем, а еще резиной, машинным маслом, окалиной. Знакомые запахи, старые-старые знакомые. Так пахло в кузницах и на почтовых станциях. Никакой магии. Конюшня в центре города, извозчики вместо такси и, может, свои выезды у жителей Замкового квартала. Никаких загадок. Электрификация вовсе не подразумевает обязательного перехода на автотранспорт.

Заноза сунул пакет в урну у стены дома, в котором не было освещено ни одно из окон, еще раз втянул носом запах конюшни, улыбнулся и пошел обратно в «СиД». Прогулка заняла больше времени, чем нужно, чтоб выпить литр крови, но о том, что Мартин и Лэа его потеряют, он не беспокоился. Во-первых, они ничего не знают о вампирах и, значит, не знают о том, что на одну такую бутылочку нужно не больше двух секунд. А во-вторых, куда он денется с острова-то?

* * *

— А он милый, — сказала Лэа, — забавный. Слушай, зачем он красится?

— Милый? — Мартин продирался сквозь ряды очень красивых и нечитаемых букв, и ему вовсе не казалось, что Заноза милый, милые люди так не пишут. — Посмотри, он написал, что наркоман.

— Где? — Лэа заглянула в анкету.

— Вот, — Мартин ткнул пальцем. — Героиновый наркоман.

— Бывший наркоман, ты читай, в прошлом году соскочил с иглы, — Лэа тоже провела пальцем по строчкам. Ей почерк Занозы давался легче: Лэа свободно читала на немецком, в том числе и рукописные тексты, а эти буквы, они точно были немецкими.

— Не бывает бывших наркоманов.

— Да ладно, был бы он наркоманом, он бы об этом не написал. И... о, а это что? — Лэа зачитала вслух: — Повышенная эмоциональная возбудимость, агрессивность, жестокость, подавленный инстинкт самосохранения.

— Это он правду написал, — пробормотал Мартин. — Слушай, нам кто-нибудь когда-нибудь в этих анкетах правду писал?

— Остальным работа нужна была, — Лэа хмыкнула, — а Занозе, по ходу, не очень. Ладно, зато он вежливый.

— Да?! — Мартин оторвался от текста и удивленно взглянул на жену. — Вежливый?

А ведь правда, кстати. Если вспомнить, то в присутствии Лэа Заноза ни разу не выругался. Мартин уже успел решить, будто он без мата не разговаривает, но в «СиД» упырь говорил без ругательств и вообще совсем другим тоном, чем с ним.

Ага, и при этом успел попрекнуть Лэа ее поведением. А Лэа за это должна была бы пинками выгнать его из агентства или предложить такую работу, чтоб он сам ушел и зарекся возвращаться. А что она? Она говорит, Заноза милый. Вежливый.

— Инсектофобия... — читала Лэа вслух избранные моменты, — пиррофобия, повышенная чувствительность к свету. Слушай, я не пойму, а нам от него какая польза? Кроме того, что он хороший мальчик. Кстати, он красивый, заметил? — она покосилась на Мартина и прохладно добавила: — Даже не сомневаюсь. Но господину Эрте-то он зачем мог понадобиться? А, вот: может, в этом дело? Почитай вот тут: возраст по календарю сто шестнадцать лет от афата, возраст по крови — восемьсот лет. Не понимаю, что это значит, но «возраст по крови» звучит очень по-вампиРСки. Готичненько так. А восемьсот лет — это, по-моему, солидно. Может, господину Эрте его кровь нужна? Он еще больше чем ты выпендривается.

— А как старая кровь связана с тем, что Эрте выпендривается? — Мартин откинулся на спинку кресла, потер виски. Сил уже не было разбирать этот почерк. Лэа может прочесть, вот и пусть читает, тем более что ей и самой интересно.

— Да у вас все с кровью связано. Все понты, ах, я не человек, я исчадие зла. Господин Эрте кровь пьет, я видела. А зачем? Ему это не надо, он же обычную пищу может есть. Заноза, — она помахала рукой появившемуся в дверях упырю, — ты можешь обычную пищу есть?

— Этого вопроса в анкете не было.

— Я для себя спрашиваю, а не для анкеты.

— Что значит обычную? — Заноза, не снимая плаща, прошел через кабинет и сел в свое кресло.

— Человеческую! — Лэа взглянула на Мартина, закатила глаза. — Человеческую еду! Картошку там, бифштексы... ты же англичанин? Что у вас едят? Овсянку, например?

Размазанный мейк добавлял Занозе выразительности: взгляды получались до того красноречивыми, что, наверное, упырь мог вообще не разговаривать, а только смотреть. Сейчас он показался таким растерянным и озадаченным, что Мартину его даже жалко стало.

— Я не могу есть человеческую пищу... я, правда, не уверен, что правильно тебя понял. Я же вампир, вампиры пьют кровь.

— А ты пробовал? Откуда ты знаешь, что не можешь?

— Нет, я не пробовал. Мне противно. Лэа, видишь ли... — в тоне Занозы ясно слышалось произнесенное «как бы тебе объяснить-то такие простые вещи?» — во мне такая старая кровь, что ничего от человека не осталось сразу после афата. Некоторые вампиры сохраняют в себе людей, и они могут есть человеческую еду, только не могут ее усваивать. Им нравится вкус, запах... что там еще? В общем, что-то, ради чего они готовы терпеть необходимость избавляться от съеденного, прежде чем оно начнет портиться, или готовы пережигать кровь на то, чтобы пища превратилась в какие-то крохи силы. Я ничего человеческого не сохранил — мой ратун был слишком старым для этого, и он сам давно уже стал нелюдем, поэтому мне интересна только кровь.

— И ты тоже выпендриваешься, — подвела итог Лэа. — Мартин, я тебе вот об этом и говорила. Мы нелюди, мы пьем только кровь, ахъ, мы исчадие зла!

— Но ведь не добра же, — сказал Заноза резонно. — Демоны и вампиры, какое же это добро?

— Да ну вас обоих, — к разочарованию Мартина, Лэа соскочила у него с колен и пересела на стул рядом, — давайте лучше посмотрим, что там господину Эрте надо. Кроме старой крови, — она фыркнула. — Там точно было что-то про вампиров.

В письме Эрте действительно упоминались вампиры, но не в буквальном смысле. Лорда Алакрана интересовал некий артефакт из мира Белого бога, причем с одной из Земель. Потир одиннадцатого века от Рождества Христова, использовавшийся для причащения священников. Вот их-то Эрте вампирами и обозвал. Шутить изволил.

Мартин слабо разбирался в христианстве, однако слышал, что христиане пьют кровь своего бога, его человеческих воплощений, поэтому насчет вампиров Эрте был отчасти прав. Но потир хранился в частном музее в городке Гайлу, и для чаши, в которую наливали кровь бога, охранялся как-то слабенко. Почти никак.

Заноза, услышавший название города, оживился:

— В Гайлу замок есть, Пильбьер.

— Как раз в нем и музей, — подтвердил Мартин, открывая вложенные в письмо фотографии и видеозаписи. — Замок Пильбьер, частные владения, частная коллекция. Этот потир — самая древняя вещь в экспозиции, хоть и не самая ценная.

— Хозяин мсье Брузар? — Заноза как будто не мог определиться, задает он вопрос или утверждает.

— Хозяйка. Анделин Клюгер. Американка, но давным-давно живет во Франции. Что-то не так?

Показалось, будто Заноза на секунду вообще отключился от происходящего. Но только показалось, потому что упырь пожал плечами и безмятежно улыбнулся Мартину поверх экрана:

— Значит, не мой мир.

— Миров бесконечно много, — Мартин надеялся, что Заноза правильно поймет слово «бесконечно», но вообще-то его никто никогда не понимал правильно. — Шансов, что ты попадешь обратно в свой, почти нет. Один из ста.

— Один из ста — это не так уж мало. Я полагаю, ты знаешь, что такое бесконечность, но не знаешь, что такое теория вероятности, и соотношение назвал для красного словца. А мне-то казалось, теорию вероятности придумали демоны. У Бога все куда проще, всегда одно из двух.

— Ты хочешь вернуться? — Мартин отвлекся от письма и фотографий. — Ты разве не понял, что застрял на Тарвуде навсегда?

— Мне есть к кому возвращаться, — Заноза вновь перевел взгляд на экран, дав понять, что разговор окончен.

Ну что ж, это его дело.

Мартин почувствовал легкое разочарование от того, что и этот новичок оказался таким же как остальные. Ему тоже нужно уйти с Тарвуда, у него тоже дела в родном мире. И у него тоже не хватило ума сразу понять, что возвращение невозможно.

На весь музей было шестеро охранников, дежурили они по одному и только по ночам. Днем хватало двух присматривающих за экспозицией женщин: матери и дочери. Мать заодно служила в Пильбьере экономкой, а дочь вообще училась в соседнем городе и в музее работала по выходным и на каникулах.

— Объясните мне про кровь бога, — попросил Мартин, так и эдак повертев изображение чаши и не найдя в ней особой красоты. — Предметы, в которые ее наливают, должны быть переполнены силой. На Земле так много воплощений Белого бога, что такие предметы мало ценятся? Или бог, разделившись на множество воплощений, сделал свою кровь очень слабой? Почему потир охраняют так плохо?

Молчание было ему ответом.

Мартин обвел взглядом Лэа и Занозу — две пары синих глаз смотрели на него с одинаковым изумлением.

— Чува-ак, — протянул упырь недоверчиво, — да ты знаешь о причастии даже меньше, чем баптист из Нэшвилла.

— Мартин, ты что, — Лэа постучала костяшками пальцев Мартину по лбу, — совсем на крови головой съехал? Вино они пьют. Кагор. Притворяются, будто это кровь Христа. И едят печенки, которые как будто плоть Христа. А чашка медная, камушки так себе, — она потыкала стилем в картинку, и потир снова начал вращаться, — чего ее охранять-то сильно? Из одиннадцатого века таких чашек больше одной сохранилось, а у Клюгер если и есть миллионы, то на охрану она их жабит.

— То есть это не настоящая кровь и в чаше нет настоящей силы?

И зачем тогда она понадобилась Коту? И зачем ему понадобился Заноза? Чудит лорд Алакран. Ну и акулы с ним.

— Нет в ней вообще никакой силы, обыкновенная чаша для причастий, — Лэа бросила стило на стол. — Я не могу понять, почему обязательно надо красть ее из музея. Ее нашли два года назад, значит, она лет пятьсот неизвестно где валялась, и там ее вообще никак не охраняли. Почему туда не пойти и не забрать?

— Вы что, еще и во времени путешествовать можете? — поинтересовался Заноза.

Лэа сказала «да», Мартин — «нет». Произнесли они это одновременно, и вряд ли для упыря ситуация хоть как-то прояснилась.

— Вернуться в прошлое или пойти в будущее нельзя, — объяснил Мартин, — но в другие миры можно прийти в любую эпоху, там ни прошлого, ни будущего нет, они же другие. Не имеют к тебе отношения.

Заноза кивнул, сделал вид, что понял. А Мартин в очередной раз уверился, что паршиво умеет объяснять. Вообще никак не умеет.

— Тогда, — упырь взглянул на окна, — мы можем сегодня до рассвета пойти в Гайлу в начало ночи?

— Хочешь все сегодня сделать? — спросила Лэа. — Или хочешь поскорее сбежать на Землю?

— Зачем мне бежать? Там я буду так же далеко от дома, как здесь.

— Там тоже Земля, и на твою очень похожа, будешь почти как дома. Все знакомое и привычное, не то, что здесь.

Мартин в разговор не вмешивался, он перечитывал сопроводилку, искал подвох. Получалось, что подвоха нет, за потиром можно идти хоть сейчас, документы только сделать, но

это на полчаса работы. Нет, Мартин в разговор не вмешивался, но прислушивался. Лэа права: Занозе на той Земле, на любой из Земель, близких к его родному миру, будет лучше, чем на Тарвуде. Там он освоится гораздо быстрее, он и здесь как-то очень уж быстро освоился. И никакое это будет не «сбежать», на Тарвуде его силой не держат.

— Мне нужно вернуться не «куда», а «к кому», — ответил Заноза и встал. — Я пойду покурю.

— Так там наверняка есть ее копия, — сообщила Лэа вслед уходящему упырю. — Ты даже разницы не заметишь.

Заноза обернулся от дверей, сверкнул улыбкой, в которой даже клыки не очень бросались в глаза:

— Лэа, меня ждет «он», а не «она». И я его ни с кем не спутаю. Ты бы Мартина с его копией тоже не спутала.

Лэа хмыкнула. Дверь за Занозой закрылась.

— Видишь, какой воспитанный? — Лэа почему-то попинала Мартина в голень. — Выходит, чтобы покурить. А ты только окошко открываешь. А иногда даже только форточку.

— У него на Земле парень, — Мартин ухмыльнулся. — Это ничего?

Лэа упорно игнорировала в Занозе все, что злило, а то и бесило ее в других людях. Это было... весело. Непонятно интересно и весело.

— Он же не сказал, что это его парень!

— А почему сравнил с тобой и со мной?

— Потому что... для убедительности! Чтобы понятней было. Хотя я бы тебя запросто перепутала, если бы двойник выглядел так же и запах был такой же. Какая разница?

— Я бы не перепутал, — сказал Мартин и тоже достал сигареты, — душу скопировать невозможно, души у всех разные, и такой как у тебя ни у кого больше нет.

— Опять демонишься, — Лэа вскочила на ноги. — Демонись, сколько хочешь, я пошла собираться. Мне нравится идея проверить все прямо сегодня. С тебя документы, придумай, кем мы там будем. Может, пожарной инспекцией? — последнее было сказано с особым выражением и сопровождалось особым взглядом, брошенным на зажигалку. Мартин чиркнул было колесиком и вспомнил, что у Занозы-то зажигалки нет. Курить он пошел, ага.

— Я тоже выйду, — он встал. — Будете сотрудниками комиссии по контролю за условиями хранения древностей. Подходит?

— Бейсбольная бита и пистолет им не полагаются? — уточнила Лэа грустно.

— Неа.

— А шорты носить можно?

— Даже нужно.

— С кедами?

— Как нефиг делать.

— Ну тогда ладно. И майку с белкой. И смотри, чтобы фотография была красивая, а не как в тот раз!

Занозу Мартин нашел на крыльце. Упырь вертел в пальцах сигарету, но, кажется, не очень беспокоился об отсутствии зажигалки. Мартин поднес ему огонек, снова пронаблюдал, как Заноза, зажмурившись, прикуривает, закурил сам и спросил:

— Как ты куришь, если огня боишься?

— Да вот так, — Заноза показал сигарету, — преодолевая невообразимые трудности. Если я себе существование не осложню, кто это сделает?

— Мы с Лэа.

— С вами я только сегодня познакомился, а курить начал еще при жизни. Тогда, правда, проблем с огнем не было.

Если продолжать в том же духе, разговор скатится к ерничанью и никуда не приведет. Так что Мартин сменил тон.

— Что за спешка? Если ты не собираешься остаться на той Земле, не хочешь как можно скорее уйти с Тарвуда, то зачем торопиться?

— Я пойму, что не могу вернуться домой, и стану бесполезен, — объяснил Заноза. Непонятно объяснил. То есть все ясно, но... неясно ничего.

Упырю хватило одного вопросительного взгляда, чтобы развить мысль:

— Я до хрена полезный, когда в хорошем настроении. Но когда в плохом, от меня не только никакой пользы, от меня еще и вред. Злость — это хорошее настроение, если что. Плохое — это сплин.

— Депрессия, что ли? — не понял Мартин.

— Типа того. Стрелять я хуже не начну, но остальное, — Заноза пренебрежительно пффыкнул. — Творческого подхода можно не ждать, а без него хана. В этом деле стрелять как раз не нужно, значит, надо успевать, пока я еще в норме.

— И... долго ты будешь бесполезен? После того как поймешь, что не можешь вернуться?

Стадии принятия смерти, так это называлось. Тарвуд — иной мир, попасть сюда — то же самое, что умереть или получить смертельный диагноз. Значит, до того, как начнется депрессия, Занозе предстоит пройти через отрицание очевидного, гнев на очевидное, и попытки торговаться с судьбой. А потом, после всего, он примет ситуацию и смирится с ней. Но Мартину казалось, он уже смирился. Сразу. Он же не спорил, не злился, не загадывал, спокойно принял все объяснения, даже про теорию вероятности что-то там сам рассказал.

— Чува-ак, — Заноза улыбнулся, — да я понятия не имею, буду ли я после того, как пойму. Так что с музеем надо поскорее заканчивать.

— То есть как понятия не имеешь? — Следовало спросить: «кто же там у тебя остался, если тебе без него не выжить?», но это, наверное, был слишком личный вопрос. Они два часа как знакомы, рано в душу лезть, даже будучи демоном. — Он твой ратун, что ли? — сообразил Мартин. — Ну так узы ослабнут со временем. Это сейчас кажется, что они навсегда, а на самом деле они слабеют.

— Он мой Турок, — Заноза щелчком выкинул окурок в урну, — а ратуна своего я сожрал тринадцать лет назад. Узы со временем и правда слабеют, но когда никаких уз нет, слабеет нечему. И это трындец. По результатам экспериментов у меня где-то две недели.

— Каких еще экспериментов?

Кокрум, Эрте что, заинтересовался Занозой потому, что он псих?

Уже не важно. Теперь Мартину стали интересны не мотивы Эрте, а сам Заноза. Все упыри такие? Или этот какой-то особо странный? Нет, точно не все такие, потому что съесть своего создателя это вроде бы преступление. Узы ведь. Связь на крови. Младший старшему подчинен и не выступает, и вообще, кстати, любит, как собака хозяина. Как собака может съесть хозяина? Да никак, если только она не психованная.

— Долго объяснять, Мартин. Были непонятки, я свалил из дома, хватило меня меньше чем на две недели.

— Потом вернулся?

— Умер я потом. Второй раз. Говорю же, долго объяснять. Что нам нужно для того, чтобы идти в Гайлу? Где будут точки входа и выхода? Как Лэа планирует попасть в музей? Проникновение со взломом? Или приехать в сумерках под видом туристов?

— Проникновение. Взлом, то есть. Лэа... специалист.

— План сигнализации есть, — Заноза кивнул, — отключить ее — как два байта. Ок. Сколько нужно ждать портала, чтобы вернуться? Если все быстро, нам и документы никакие не понадобятся.

— Какие-то все-таки понадобятся. Если вас накроют...

— Кто? Один-единственный охранник? Я прямо вижу, как мы предъявляем ему удостоверение сотрудников комиссии по учету и хранению музейных ценностей, — Заноза скорчил такую рожу, что Мартин не смог не улыбнуться. — Ты сам-то как думаешь, упыри, грабящие музеи, часто выполняют требования охраны?

— Да я не знаю. Я не видел ни одного упыря, который грабил бы музеи.

— Я один взорвал, — сообщил Заноза гордо. — Случайно, правда. Но все равно. Охранников там было больше десятка. Я их съел. Никаких документов не понадобилось.

Глава 3

*Только опять не сложится ни черта,
Снова мираж и морок, а польза — где?
Светлана Дильдина*

Мартин собирался открыть портал в городской парк. Ухоженный и прозрачный, тот оставлял немного возможностей для незаметного появления, но все же лучше выходить из портала там, чем где-нибудь в переулке. Улицы Гайлу были широкими, чистыми, хорошо освещенными, подходящий переулок еще найти надо. В парке поспокойнее. Да и вряд ли там много народу гуляет по ночам.

— А почему не в сам музей? — спросил Заноза. — Порталы в помещение не открываются?

— А охрана? — вопросом на вопрос ответил Мартин. — Мы же не знаем, вдруг охранник притащится с обходом именно туда, куда вы выйдете.

— Да не проблема охранник, — Заноза отмахнулся.

Лэа с энтузиазмом его поддержала:

— Если мы не притворяемся учеными угандышами, я же могу пистолеты взять! Или хоть электрошокер. Ма-ар, — она стала умильной и ласковой, — я тут подумала: электрошокер с собой в сумочке может даже какая-нибудь доцентша носить, между прочим.

— И пистолет, — подтвердил Заноза серьезно. — Я знал одну студентку-историка, ей папа автоматический пистолет подарил, она его везде с собой носила. В обычную сумочку он не влезал, так ей ради этого пистолета пришлось полностью стиль сменить, начала ходить в джинсах и с рюкзаком.

Он замолчал, видимо, на этом история закончилась. Но Лэа, вдохновленная перспективой пойти в музей с оружием, нетерпеливо спросила:

— И что? Пригодился ей пистолет?

— Да не очень. Ее убили, когда она материал для диплома собирала.

Мартин от неожиданности не нашелся, что сказать. Лэа пару секунд тоже молчала, но за словом в карман она обычно не лезла, вот и сейчас после короткой паузы сообщила:

— Плохая история. Нафига ей тогда пистолет был? Никакой пользы.

— Ну... я примерно об этом, — вид у Занозы был невинный, как у юного ангела.

— Я. Стрелять. Умею, — Лэа выделила каждое слово, но не похоже было, чтоб она обиделась на недоверие. А кому другому на месте Занозы уже досталось бы за оскорбительные намеки. — Мартин, давай портал прямо к чашке, мы возьмем ее и выйдем, и все. Я и сама бы могла это сделать, нафига Занозу туда тащить?

— Портал открывается шесть секунд, на это время тебя надо подстраховать — ты же не сможешь убежать или, — Мартин улыбнулся, — стрелять, пока его открываешь. Ну что, вы готовы?

Лэа точно была готова. Прогулки летним вечером больше не предполагалось, поэтому она и переодеваться не стала.

— Мне нужны черные очки, — сказал Заноза, прямо поверх колец натягивая тонкие кожаные перчатки. — У охранника, если он за шесть секунд успеет, будет фонарик, это полюбому.

Обычно наемники в «СиД» первым делом спрашивали про оружие и снаряжение. Мартин не помнил, чтоб кому-нибудь когда-нибудь нужны были только солнечные очки. Он вообще не помнил, что они кому-то когда-то понадобились. Но Занозу пустые кобуры либо не беспокоили, либо он и вправду считал, что на секундную вылазку в плохо охраняемый музей

оружие ни к чему. А без очков ему неудобно. И еще ему умыться бы. Но это уж ладно. Вернется — умоется. В таверне водопровод худо-бедно работает.

— Я посмотрю, должны быть, — Лэа вышла.

Заноза уставился на Мартина:

— Ну и на хрена я там на шесть секунд? Потому что лорд Алакран так сказал?

— Потому, что тебе деньги нужны, а выходы оплачиваются золотом. Если без боя, то пять золотых, из которых, правда, вычитается стоимость снаряжения. Если выход боевой — от семи с половиной, плюс доля трофеев или денег от их реализации. Но кроме того эти шесть секунд все-таки неизбежны, и Лэа нужно будет защищать, пока она открывает портал.

Мартин и сам не понимал, в чем смысл участия Занозы в этой вылазке. Эрте, впрочем, нигде и не указал, что Заноза должен вместе с Лэа идти в музей, так что, возможно, требовалось не участие, а присутствие. А все равно непонятно, зачем.

— Вот, нашла, — радостно заявила Лэа с порога, — держи очки. Пока такие, потом что-нибудь подберем получше.

Очки были из комплекта пустынного снаряжения, противобликовые, из сверхпрочного стекла и пластмассы, с гарнитурой коммуникатора в одной из дужек. В таких хоть за рулем весь день навстречу солнцу, хоть в разведку, хоть в перестрелку. Куда уж лучше?

Заноза широко улыбнулся, вновь продемонстрировав тонкие, острые клыки.

— Спасибо, Лэа! — сказал он с чувством.

Надел очки и тут же из трогательного ангела преобразился в панкующего бандита. Или в бандитствующего панка. Глаз стало не видно, а лицо, и без того резкое, превратилось в хищное, сплошь состоящее из острых углов и выступов: скулы, челюсть, подбородок, клыки эти еще... не такие уж и тонкие, если подумать, и очень острые.

— Ты в них что-нибудь видишь? — Лэа одобрительно кивнула, ей преображение понравилось. — Темно же.

— Мне как раз. Здесь у вас нормально, свет неяркий, а на улице фонари сильно мешают.

— Здесь у нас обычно светлее, — предупредила Лэа, — Мартин не только настольную лампу включает, верхние тоже, — она показала на круг утопленных в потолок небольших светильников. — Светло как днем. Ну что, Мартин, открывай портал, а обратно я сама.

— Заноза, тебе рассказать про порталы? — мог бы не спрашивать, этот упырь любопытен, как... хм, да как енот. И от того, что он черные круги вокруг глаз под очками спрятал, ничего не изменилось. — Их можно открывать аппаратно, — сказал Мартин, — есть генераторы порталов, приборы, в которые нужно вводить координаты в какой-то определенной системе. С одной стороны, это позволяет открывать портал, не отвлекаясь от других дел, не сосредоточиваясь на заклинании, а с другой — миров много, координатных систем еще больше, так что, если путешествуешь по разным мирам, генераторами не очень удобно пользоваться. Но в пределах одного мира они себя оправдывают. А есть заклинание, оно помогает впасть в транс и сосредоточиться на... своей картине мироздания, — прозвучало странно, он и сам понял, но его когда-то учили именно так, — на своем представлении о том, как может выглядеть короткий коридор из одного места в другое. Или из одного мира в другой. Я Хаос представляю, в нем расстояний нет, поэтому получается, что точка входа и точка выхода это одна и та же точка. — Нет, он не создан для объяснений. По лицу Занозы было не разобрать, понимает ли он что-нибудь, но Мартин мог поклясться, что упырь, понимая слова по отдельности, не может увязать их друг с другом. — В общем, если у тебя есть способности к магии, я тебя когда-нибудь этому заклинанию научу, — закончил Мартин скомкано. Как он сможет Занозу научить, если не может даже объяснить принцип действия заклинания, лучше было не думать.

— А ты что представляешь? — Заноза повернулся к Лэа.

— Я место представляю, куда хочу прийти, и дверь туда. Открываю дверь — открывается портал.

— А если ты этого места не видела?

— Тогда Мартин портал открывает.

— Угу, — сказал Мартин и начал открывать портал в зал музея.

Когда на полу в центре кабинета засветился неярко круг, диаметром примерно в метр, Лэа сказала:

— Это и есть портал. Встанешь в круг и окажешься в точке выхода. Жалко, что нельзя так делать, чтоб на той стороне тоже портал был. И держится он недолго, шесть секунд, так что пойдем.

Она шагнула в круг, Заноза тоже, и оба исчезли.

У Мартина было примерно шесть секунд, чтобы еще раз подумать над тем, что же все-таки Эрте хочет от этого упыря. И что за странное задание они в этот раз получили? Как-то слишком все просто, а у Эрте просто никогда не бывает.

В полутемном зале горели лишь матовые дежурные светильники. Хороший человек миссис Клюгер, разумно экономит на освещении. Заноза огляделся, потир увидел сразу, показал на него Лэа. Та кивнула и прошла к чаше. В точности как на фотографиях, потир стоял на резной подставке — тоже, кстати, одном из экспонатов музея. Во вводной к заданию было сказано, что своей сигнализации у потира нет, но Лэа на всякий случай осмотрела подставку. Пожала плечами, взяла чашу и вернулась к Занозе:

— На, — она сунула потир ему в руки, — я портал открываю.

— Он не настоящий, — Заноза покачал медную чашу в ладонях, — это не та штука, которая нужна лорду Алакрану.

— С фи́га ли?

— Настоящий я бы не смог взять.

До него дошло. Имел ли в виду лорд Алакран именно это, или, может, это просто совпадение, но сейчас Заноза знал, в чем смысл его участия в операции. Чаша для причастий, пусть даже и не использовавшаяся несколько столетий, оставалась предметом церковной утвари, была должным образом освящена, и взять ее он не смог бы даже в перчатках.

Чтобы окончательно удостовериться, Заноза стянул одну перчатку и тронул потир пальцем, потом провел по полированной меди ладонью. Ничего. А должен быть ожог, который, к тому же, сразу бы не исчез, донимал несколько дней, как у живого.

— Какая-то чухня, — сказала Лэа, забрала потир и начала разглядывать его со всех сторон. Потом вытащила из одного кармана крошечный фонарик, из другого — складную лупу, уселась на пол и принялась изучать чашу уже всерьез.

Мартин ждал на Тарвуде и, наверное, уже начал беспокоиться. Интересно, у него есть связь с Лэа? Межмировой роуминг? Заноза попытался представить, как обеспечивается связь между разными... планетами — понятие «разные миры» в воображении не укладывалось. Представил почему-то целую орбитальную станцию, полый шар, внутри которого ярусами располагались бесчисленные телефонные коммутаторы (ручные телефонные коммутаторы) и юные мисс в перманенте на вертящихся креслицах. Мисс безостановочно переподключали провода в гнезда контактов, без умолку разговаривали с абонентами и между собой, успевали при этом красить ногти, пить чай и листать каталоги мод. Мисс были очень даже ничего, но в остальном картинка получилась угнетающая и Заноза решил пока не думать о телефонии во вселенских масштабах. Если при открытии портала можно задавать координаты по шкале времени, то они вернутся на Тарвуд через шесть секунд после того, как ушли оттуда. Мартин ничего и не заметит.

— Потир настоящий, — Лэа встала. — Настоящий, подлинный, одиннадцатый век. Или такая качественная подделка, что она должна стоить дороже подлинника.

— И ты это определила с помощью лупы и фонарика?

— Заноза, — Лэа рассовывала по карманам упомянутые фонарик и лупу, — у меня кроме них есть еще опыт и магия. Потиру девятьсот семьдесят пять лет. Да какого фига?! Я тебе могу сказать его возраст с точностью до часа, тебе надо?

— Нет. Не надо.

Снова магия. Он-то думал, что хотя бы на Земле про нее не услышит. Ясно теперь, почему Лэа спрашивала, не сбежит ли он, едва окажется за пределами Тарвуда. Сейчас как раз сбежать и захотелось. Только некуда. Оказалось, что фантасмагория Тарвуда дотягивается и сюда.

Заноза почувствовал, как по защищающей его разум хрупкой скорлупе пробежала еще одна трещина, и в панике начал искать, о чем бы подумать хорошему. Он достаточно видел тех, чья скорлупа раскололась. Счастливые создания, но на хрен такое счастье. А хорошее... ну, хорошее всегда найдется. Лэа вот, например. Красивая и резкая, и вся светится, думает, что сердится, думает, что выглядит серьезно, а на самом деле девочка-подсолнух. Наверняка не разрешает Мартину себя защищать. И наверняка часто влезает в драки. Заноза знал этот тип женщин, только Лэа была нетипичной. Необычной. Она и правда светилась.

— Никакого смысла нет эту чашку подделывать, — Лэа покачала потиром, — это у тебя настройки сбоят.

— А какой смысл лорду Алакрану ее похищать?

— Да долбанутый он!

Аргумент был не слишком убедительным. Лэа это и сама поняла, и, вместо того, чтобы снова предположить сбой настроек, задумалась.

— Про настоящую чашу мог еще кто-то узнать, что она особенная... Если господин Эрте знает, то и еще кто-нибудь знает наверняка. Может, поэтому ее убрали и выложили кучу денег за подделку?

— Думаю, надо поговорить с миссис Ключер.

— Значит, все-таки понадобятся оружие и документы.

— И то, и другое? — Заноза не понял. — Чисто теоретически либо документы, либо оружие. Не будем же мы одной рукой показывать миссис Ключер мандат, а другой угрожать ей пистолетом. А практически...

— А практически мы не знаем, что может понадобиться. Пистолет и доброе слово всегда лучше, чем одно доброе слово.

— Нет, — Заноза мотнул головой, — это просто *bon mot*¹⁰. Миссис Ключер живет здесь же, в круглой башне у ворот. Пойдем и поговорим с ней.

— Что, просто так? Ну ладно. Но это нифига не работает, никто не будет с тобой разговаривать, пока не напугаешь. Особенно, — Лэа многозначительно кивнула в сторону окна, — в одиннадцать часов вечера. И, кстати, я не говорю по-французски.

— Я говорю. А миссис Ключер говорит по-английски.

— Блин, — Лэа закатила глаза, — ты только что сказал мне что-то по-французски, я об этом. Здесь не Тарвуд, здесь нет микробов, которые все языки переводят. Что ты сказал? Про пистолет и доброе слово.

— *Bon mot*? Это «доброе слово» и есть. Такой... термин. Означает словцо, остроту. Фраза про пистолет, она просто для красоты придумана, на самом деле это не работает вместе.

— Да? Ну офигеть, — Лэа равнодушно пожала плечами. — Держи потир и пойдем отсюда. Пешком пойдем. Может, на охранника нарвемся, а то у меня что-то настроение не очень.

¹⁰ *bon mot* (фр.) — словцо, острота.

В музее кроме Лэа был только один живой человек, и пройти по тускло освещенным залам до выхода так, чтобы не встретиться с ним, не составило труда. Камеры дело другое, камеры Лэа наверняка прекрасно видели, но скучающий охранник бродил по музею и за мониторами не следил.

Дверь оказалась заперта на засов, обычный крепкий засов. Обычная замковая дверь: полтонны стали и прочного дерева. Системы надежней не придумаешь — через забранные решетки окна не пролезет даже подросток-форточник, дверь снаружи не открыть, будь ты хоть каким мастером взлома. А если ее откроют изнутри, то при одном-то единственном охраннике на всю смену того, кто это сделал, долго искать не придется. Миссис Клюгер может себе позволить не заморачиваться со сложной сигнализацией, вот она и не заморачивается.

Однако же потир предпочла перепрятать. Если, конечно, это ее работа. Ей ведь с самого начала могла достаться подделка, и лорд Алакран мог ошибиться. Теоретически. На практике Заноза возможностей лорда Алакрана не представлял, но знания Священной истории хватало, чтобы понимать: демоны ошибаются редко и только в самом главном. У демонов всегда все в порядке в процессе достижения результата, проколы случаются только когда результат достигнут. Вряд ли похищение третьеразрядной древности из третьеразрядного музея — это заключительный этап некоего демонического замысла, скорее уж самое начало. А значит, лорд Алакран не ошибся. И значит чашу подменили недавно. Уже после того, как лорд Алакран узнал о ней.

Заноза терпеть не мог делать выводы, не имея достаточно данных, поэтому прекратил этим заниматься. Он предоставил Лэа отключить сигнализацию на пульте у двери, отодвинул засов и первым вышел в темную летнюю ночь.

В Гайлу всегда хорошо пахло: море близко, промышленности никакой, а вокруг замка парк, который тут называют лесом. В Гайлу всегда было тихо: спать ложились рано даже редкие туристы. В Гайлу всегда было скучно... и это был другой Гайлу. Гадство! Впрочем, здесь тоже было тихо, и тоже пахло морем и цветами, и скалами, остывающими в ночной прохладе. Заноза надеялся, что здесь будет скучно. Без оружия да в компании с девчонкой, которая все сильнее хочет с кем-нибудь подраться, он точно предпочел бы поскучать.

Лэа направилась прямо к привратной башне, круглой, с островерхой крышей. Миссис Клюгер поселилась там. А в Гайлу на настоящей Земле Пьер Брузар жил в главном здании, прямо над музеем, там весь верхний этаж был жилым. Миссис Клюгер скромнее, ей достаточно башенки, которая даже не сообщается с музеем. Ей так спокойнее? Не слышно, как по ночам пустые рыцарские латы бродят по залам, лязгая сочленениями?

Так, что тут? Домофон, видеокамера... Scheiße, сколько же от них мороки, когда нужно убедить немолодую даму открыть тебе дверь посреди ночи. Немолодые дамы, да и джентльмены тоже, обычно просят встать так, чтобы тебя было видно, и попробуй им объясни, что бывают... разные обстоятельства.

Ладно, как раз объяснять и убеждать Заноза и умел лучше всего. Еще он неплохо справлялся со взломом замков, но... здесь дверь могла быть вообще не заперта. Кто, зачем и от кого будет запереться в Гайлу?

Словно прочитав его мысли, Лэа фыркнула на домофон и потянула за отполированное множеством прикосновений кольцо в пасти бронзового льва. Дверь повернулась в петлях бесшумно и тяжело. Хорошая дверь. Не хуже, чем та, в музее. Только на этой никто не потрудился заложить засов.

— Ну? — Лэа взглянула на него. — Чего стоишь?

— Порог же, — вот эти моменты Заноза ненавидел. Нет... **НЕНАВИДЕЛ!** Бывало такое, что из-за одной только мысли о Пороге он отказывался от идеи проникнуть в дом и просто

убивал всех, кто был внутри, расстреляв их через окна или забросав гранатами. Обламывал, таким образом, проведение допросов.

Плохая мысль. Нельзя так делать.

— Что порог? — не поняла Лэа.

— Войди и пригласи меня. Трижды. Иначе я не смогу... — он слегка пнул ботинком невидимую стену, долбаное силовое поле, защищающее человеческое жилье от нежити.

— Да ладно, правда, что ли? — Лэа перешагнула порог, попятилась вглубь помещения, не отводя от Занозы взгляда. — Ты не можешь войти? Слушай, это же бред, это у тебя в голове, так же как то, что от потира тебя должно бить током. Ну, ладно, ладно, — она улыбалась, — заходи, заходи, заходи! Я тебя приглашаю.

В маленькой прихожей горел ночник, искусная стилизация под факел — электрическое пламя походило на настоящее, а медные крепления на стене настоящими и были. Анделин Клюгер — не Пьер Брузар, и для Занозы этого оказалось достаточно, чтобы заочно ее невзлюбить, но и факел, и вся обстановка первого этажа, старательно воспроизводившая монументальную убогость интерьеров двенадцатого века, говорили о том, что леди любит историю. И может быть даже знает ее. Хотя бы историю Пильбьера.

Пахло тут дымом и деревом, кофе, мастикой, духами — обычные запахи обычного дома, где живет одинокая женщина. Старого дома. Однако, несмотря на старость, на идущей вдоль стены лестнице не скрипнула ни одна ступенька, и появление незваных гостей застало миссис Клюгер врасплох. С кошкой на коленях она сидела в массивном деревянном кресле, на котором, впрочем, хватало подушек и ковров, чтобы предположить, что не так оно неудобно, как выглядит. Немолодая, соломенноволосая, спортивная. В своих джинсах и голубой рубашке настолько же неуместная в средневековом интерьере, как неяркие электрические лампы и мерцающий экран ноутбука на столе. Но это хорошо, что она не настолько увлекается исторической реконструкцией, чтобы одеваться в домотканые платья, и предпочитает Интернет вышиванию.

— Здравствуйте, миссис Клюгер, — сказал Заноза прежде, чем хозяйка успела произнести хоть слово, — извините за поздний визит. Эти часовые пояса...

Лэа вообще не поняла, на что Заноза рассчитывал, когда вломился в чужой дом и даже украденную чашку не спрятал, так с собой наверх, к хозяйке, и потащил. Насчет того, что тетечка поднимет тревогу, Лэа не беспокоилась: во-первых, всегда можно открыть портал и смыться, во-вторых, не смываться, а дожидаться полиции даже интереснее. Но они же вообще-то не развлекаться пришли, а поговорить. А выглядят так, что с ними не только музейная тетка, а даже и полиция разговаривать бы побоялась. Заноза еще в черных очках посреди ночи. Хотя без очков еще хуже, с этой его подводкой.

И при чем тут часовые пояса?

— Как я вас понимаю! — откликнулась тетенька с таким неподдельным сочувствием, как будто Заноза был ее любимым внуком. — Перелеты очень выматывают. Каждый раз, когда приходится летать через океан, я два дня себя так чувствую, как будто часовые пояса превратились в часовые мюсли! Проходите, садитесь, — она встала со своего пыточного стула, — выпьете что-нибудь? Или, может быть, кофе?

Кошка спрыгнула на пол и тут же побежала к Занозе, начала нюхать его ботинки и тереться об ноги. Ничего себе! Значит кошки и пожилые женщины, когда его видят, забывают про осторожность, так, что ли?

— Нет, не беспокойтесь. Мы не представились, — Заноза поставил чашу на стол, рядом с ноутбуком, взял кошку на руки. Он в чужом доме держался, как в своем. — Мое имя Сплиттер, а это миссис Дерин-Соколоф. Прекрасная обстановка, миссис Клюгер, вы сами занимались интерьером?

Вроде он ничего особенного не сказал, а Ключер аж как будто помолодела лет на двадцать. Нет, ну про обстановку все правда, если кому-то нравится мебель, о которую без подушек всю задницу отобьешь. Все как настоящее, можно подумать, что она себе в башню музейные экспонаты притащила. Может, и притащила. Хотя вряд ли. Музейные — слишком ветхие. Вот интересно, она чашку-то заметит или нет? Или она только Занозу видит?

Оказалось, не только. Лэа тоже заметили. Не переставая рассказывать упырю о том, сколько сил и внимания потребовало изготовление реплик подлинной мебели Пильбьера, и какой интересной задачей было создать в башне, не приспособленной под жилье, жилую обстановку, успев сообщить, что ее можно называть просто по имени и получив взаимное разрешение от Занозы, Ключер взбила подушки еще на одном стуле, позвала ее:

— Устраивайтесь, устраивайтесь, миссис Дерин-Соколоф. Садитесь. У семьи вашего мужа русские корни?

— Мой муж русский, — сказала Лэа. И поймала удивленный взгляд Занозы.

Ну а что? Он будто поверил, что Мартин демон! Ага, конечно! В Лос-Анджелесе не верят в демонов, не в двадцать первом веке.

— И вы живете в России! — у Ключер стал такой вид, как будто она сейчас скажет: «элементарно, Ватсон». — Вот откуда у вас такой интересный акцент. Он определенно не ирландский.

Что, правда, что ли, акцент? Лэа слегка загрузилась, акцент ей был не нужен. Но если все время жить только в Москве, Питере и на Тарвуде, и все время говорить по-русски, он так и останется. Переехать на год в Ирландию, что ли? Чтобы ирландским акцентом обзавестись.

А музейная тетечка уже снова смотрела на Занозу. Прямо вся. Тот перестал гладить кошку, постучал пальцем по краю чаши:

— Нас интересует этот потир.

— И вас тоже? Я уже готова подумать, будто он особенный, — Ключер заулыбалась, показывая все зубы, — около недели назад его хотел купить один итальянец, сеньор Виго. У меня плохая память на имена, но этого я запомнила. Такая настойчивость... я даже подумала, не мафиозо ли он. Кто еще не понимает, когда говорят «нет»? Только дети, мафия и государственные службы. Ну а вам, видимо, нужна оценка эксперта?

Ключер взяла потир, чтобы рассмотреть поближе. Заноза отступил от нее на полшага, пересадил кошку на подушки оставленного хозяйкой кресла. Кошка встала на задние лапы, вытянулась и начала томно когтить рукав занозовского плаща. Лэа подумала, что Ключер тоже не против чего-нибудь покогтить: слишком мало внимания та уделила чашке и слишком много тарасилась на Занозу. Хорошо, что Ключер не кошка. Плохо, что она, когда улыбается, похожа на крокодила. Хотя нет, не так уж плохо. Такая улыбка даже упырей должна отпугивать.

— Что ж, Уильям, — еще один крокодилий оскал, — в том, что ваша чаша — копия, можно не сомневаться, потому что подлинник хранится в Пильбьере, но, надо признать, копия великолепна, удивительное мастерство.

Вот с этим Лэа согласилась бы, но она сомневалась насчет копии. Слишком хорошо сделано, слишком качественно. Чашка того не стоит. Или все-таки Заноза прав, и потир, который понадобился господину Эрте, стоит дороже любых затрат на любые подделки?

— Я не отличила бы один потир от другого, — продолжала Ключер, все так же широко улыбаясь, — поэтому не буду предлагать сравнить ваш с моим.

Она рассмеялась, давая понять, что шутит. И хорошо. А то где б они взяли вторую чашу?

— Про сеньора Виго расскажите подробнее, пожалуйста, — попросил Заноза, на которого уже снова залезла кошка. — Вы выяснили, что он не из мафии?

— Да нет, не выяснила, — Ключер махнула рукой, — скорее наоборот. У него какой-то бизнес в Монце, а что там может быть? Автогонки. Спортивная мафия. Зачем ему мой потир? Виго коллекционер, — добавила она с пренебрежением, как будто сама не коллекционировала

все эти древние штуки, — но в его коллекции нет ничего серьезного. Потир тоже не представляет большой ценности, просто старинный предмет культа, с ним даже никаких интересных легенд не связано. Может, в коллекции Виго он и стал бы жемчужиной, я ведь даже думала согласиться на предложение. Но сначала отказалась — кто же соглашается с первого раза, а потом он повысил цену так, что это показалось подозрительным. И я решила: нет, никакой сделки с этим мафиозо, пусть он скупает национальное достояние Италии, но даже не думает про Пильбьер.

Заноза слушал и кивал, и Клюгер не мешало то, что он в черных очках, в дурацком плаще и так и не снял перчатки; она рассказывала про Виго и про чашу, как будто изливала душу перед исповедником. Ну или, может, перед лучшим другом.

Постепенно выяснилось, что бизнес у Виго не автомобильный, а строительный, и не в Монце, а в Милане. А вот коллекция — в Монце, в старинном доме под названием Гушо. Также выяснилось — во всяком случае, Лэа для себя это уяснила, — что Виго не нравится музейной Клюгер еще и потому, что его коллекция хранится в доме, испокон века принадлежавшем его семье.

Клюгер — американка, купившая замок во Франции. Еще бы ей понравилось, что у какого-то Виго с фиговой коллекцией старинных цапек есть Гушо, дом, построенный даже раньше, чем Пильбьер, да притом еще перешедший к нему по наследству от поколений благородных предков.

Хотя вряд ли, кстати, благородных. То есть не вряд ли, но не обязательно. Виго может быть и из купцов. По итальянским меркам, между прочим, тоже очень даже благородное занятие. И что? Виго, что ли, чашу подменил? Купить не получилось, так он залез в Пильбьер и подсунул копию? Получается, что так. Не сам залез, наверное, послал кого-нибудь, но это все равно.

— Спасибо, Анделин, — сказал Заноза серьезно. — Вы очень нам помогли, теперь я уверен, что наш потир подделка. Возьмите, — он сгрузил кошку на руки хозяйке, снова взял чашу, — приятно было поговорить. Спокойной ночи.

Ну вот. Не надо быть провидцем, чтобы понять, что теперь им придется возвращаться в музей и ставить потир на место. Хотя, между прочим, это запросто можно не делать. Перебьется крокодилица без чашки, а им с Занозой не убудет от того, что их примут за воров. Им тут не жить.

* * *

Лэа и Заноза появились в кабинете через десять секунд после того, как ушли. Без потира. Непохоже было, чтобы за ними кто-то гнался, вряд ли они нарвались на охрану, а если и нарвались, трудно поверить, что это помешало бы им забрать чашу. Лэа бы точно ничего не помешало. Значит?

— Его там нет? — спросил Мартин.

— Заноза говорит, что нет, хотя, по-моему, есть, — отрапортовала Лэа, невинно глядя Мартину в глаза. — Заноза говорит, это подделка.

— Ты же эксперт по подделкам.

— Я по подлинникам эксперт.

— Ну да, да. Так это подлинник или нет? Вы его почему не принесли-то?

— Заноза сказал поставить на место.

— И давно ты слушаешься посторонних вампиров? — изумился Мартин.

— Анделин тоже считает свой потир настоящим, — Заноза счел необходимым вмешаться, может, не понравилось, что о нем говорят в третьем лице? — Она бы расстроилась, если б он пропал, а нам ни от потира, ни от ее расстройства никакой пользы. Я не эксперт, я

бы вообще не отличил, но это не чаша для причастий, это чаша, которая выглядит, как чаша для причастий.

Прежде, чем Мартин успел спросить, что еще за Анделин, Лэа объяснила все тем же невинным тоном:

— Они сразу подружились, как друг друга увидели. Наверное, американский акцент сближает.

— Ладно, хорошо, — все грозило слишком сильно запутаться, — но Кот хотел именно эту чашку, выглядит она или не выглядит, он нас за ней отправил, так идите и принесите ее. Пусть сам разбирается, та или не та.

Заноза мотнул головой.

— Лорду Алакрану нужна церковная утварь, это недвусмысленно сформулировано в задании. Скорее всего, нужная ему чаша хранится в коллекции мистера Виго в Монце.

— Тогда Кот отправил бы нас в Монцу.

— Если он получил информацию о чаше раньше, чем неделю назад по времени той Земли, то нет. Тогда потир еще хранился в Пильбьере.

Похоже, путаница была неизбежна. Так всегда бывает, чем больше объяснений, тем все непонятнее.

— Мартин, — произнесла Лэа тем голосом, которым обычно говорила о неприятных, но неизбежных вещах, — представь, что будет, если мы отдадим господину Эрте не то, что ему нужно.

Да ничего особенного не будет, но... все равно не хочется. Кот — тварь злая и ядовитая, не зря же он Алакран, то есть, Скорпион, если переводить с карианского. О том, что он сам тоже Алакран, Мартин предпочитал не вспоминать. Не в таких ситуациях.

— Что в Монце? — спросил он.

Подошел к открытому окну, достал сигареты. Лэа не любит, когда при ней курят, но покурить было нужно. Чужь какая-то! Кому и зачем подделывать потир, который не представляет почти никакой ценности? Ну, старинный. Старинных вещей полно. Потир нужен Эрте, значит, он волшебный, значит, он ценный. Кто-то еще узнал об этом? Почему бы и нет? Виго этот что за кадр?

— В Монце дом мистера Виго, — сказал Заноза, — родовое гнездо. Там же хранится его коллекция исторических предметов. Это не музей, если верить Анделин, а жалкое подобие музея, и потир одиннадцатого века стал бы там жемчужиной. Но мистер Виго, опять же, если верить Анделин, проявил к чаше слишком большой интерес. Жемчужина не настолько ценна, чтобы стремиться заполучить ее за любые деньги.

— Так он маг?

— Нет!

Упыря слегка передернуло, и Мартину это не понравилось. Заноза ничего не знает о магии, похоже, совершенно в нее не верит, и чем дальше, тем больше нервничает, когда слышит о ней. Столкновение с тем, во что не веришь, выбивает из колеи даже тех, у кого все в порядке с психикой, а от этого парня вообще неизвестно, чего ожидать.

Заноза снял очки и сразу перестал выглядеть опасным психом. Эта его подводка, ште-заль... как бы так вслух-то не смеяться?

— Умылся бы ты, — сказал Мартин, улыбнувшись.

— Виго не маг... — Заноза моргнул, — что? А, — он провел пальцем под глазом, — обычно есть кому сказать, что оно размазалось. И давно я так?

— С самого начала, — Лэа о том, чтобы не смеяться, не беспокоилась. — Да ладно, не дергайся, тебе идет. Ты похож на енотика-альбиноса.

— Я вообще-то скунс, — буркнул Заноза, — притом редкой злобности. Так вот, Виго...

— Виго не маг, — напомнил Мартин.

Видимо, в его исполнении это прозвучало не так уверенно, как у Занозы, потому что упырь сник:

— Не знаю пока. Может быть, маг. Это нужно выяснить, прежде чем идти к нему за потиром. Мне понадобится выход в сеть и возможность попадать в Монцу на той планете. Где тут можно умыться?

Умыться было по левую руку от входной двери, недалеко от оружейного сейфа. Основная часть оружия и экипировки хранилась в арсенале, а тут, рядом с входом, заперта была пара арбалетов и броников. На всякий случай.

Мартин снова вспомнил, что Занозе, наверное, нужно оружие. Что ж, выдать упырю ствол, и не арбалет, а пистолет — это он мог. На Тарвуде от огнестрела пользы не будет, но на Земле может пригодиться.

С порталом на Землю было сложнее.

— Я дам тебе не генератор, а активатор. Портал, настроенный только на Монцу, — сказал он, когда Заноза вышел из крошечного, немногим больше того самого сейфа, сортира. — В нем нет возможности задать другие координаты, только Монца и холл «СиД». Иначе ты точно сбежишь. А Эрте хоть ничего насчет тебя и не объяснил, но наверняка не хочет, чтобы ты снова исчез.

— Снова? — Заноза приподнял бровь.

Для парня, который не видит себя в зеркале, он как-то слишком хорошо умылся. Ни следа подводки, ни намек, что глаза были накрашены. Оказалось, что ресницы у него такие же белые как брови. Ярко-белые. Мартин думал, их не видно будет, как у альбиносов. Ошибся. Бледная кожа, синие глаза, белые волосы — при одном взгляде на упыря теперь вспоминалась зима, ясный день и мороз такой, что кровь останавливается. Если с черными кругами вокруг глаз Заноза выглядел как человек, хоть и очень забавный, то со смытой краской стал похож... непонятно на кого. Эти скулы и челюсть, и разрез глаз — фиг знает, чья тут намешана кровь, ничья, наверное, люди очень разные, просто выглядит странно.

— А ты как красишься без зеркала? — спросил Мартин, чтобы не отвечать на вопрос. Он сам не знал, откуда взялось это «снова». Оговорка могла быть как случайной, так и осмысленной, но осмысленность — результат зачаточного дара предвидения — бесила самого Мартина куда больше, чем случайности. Потому что или уж нормальный талант, или никакого, а невнятная дрянь, подсовывающая сны, оговорки, путаницу в мыслях и, главное, ни на цур¹¹ не предсказывающая будущее по-настоящему, это не талант, а издевательство.

— Ни ты, ни Лэа у меня не спросили, зачем я крашусь. Это хорошо, — Заноза тоже, кажется, не дурак был уходить от ответов. — У меня восемьдесят лет практики. Любой бы научился. Ты же вилкой мимо рта не промахиваешься.

Свой резон в этом был. Правда, теперь Мартину стало интересно, зачем Заноза красится. Но раз уж сразу не спросил — и, как выяснилось, хорошо сделал — то что теперь-то?

— Что тебе еще понадобится? — спросил он. — Кибердек? Оружие? Выход в глобальную сеть той Земли я могу наладить и отсюда.

Он получил еще один изумленный взгляд. Не такой, как когда спрашивал про причастие и кровь бога, а почти такой же, как когда сказал, что демон. Удивление, любопытство, интерес — и ни тени недоверия. В ответ на такой взгляд хочется вспомнить о себе еще что-нибудь особенное. В хорошем смысле. У демонов вообще-то с этим не очень. Хороших смыслов меньше, чем плохих.

— А как? — спросил Заноза. — Как это делается?

¹¹ Цур (зароллаш) — буквальный перевод: «гвоздь»; мера веса, равная приibl. 2 гр. Здесь — «нечто крайне малое, несущественное».

Мда. Всего одна проблема, но существенная: когда на тебя так смотрят, надо соответствовать, а соответствовать не всегда получается.

— Я не знаю, — признался Мартин. — Я просто могу настроить доступ. Как если бы все было на одной планете. Это как-то связано с тем, что я демон. Я не могу тебе рассказать, как информация идет через Хаос, как работают ретрансляторы... или что там должно работать? Не знаю, все равно ничего этого нет. Мне нужен только кибердек, который понимал бы принятые в выбранном мире операционные системы. Я тебе карианский принесу, они универсальные. Такой же как у меня, — объяснил он в ответ на вопросительный взгляд, — ты быстро разберешься.

Потом Лэа утащила их из кабинета в салон — там были кресла и диван, вот на диване она и устроилась, пытаясь читать книжку и на глазах засыпая. Мартин читал упырю краткий курс карианской кибердек-грамоты, а время шло к утру, и Лэа уже полагалось бы спать, но ей непременно хотелось проводить Занозу до таверны.

— Все-таки он наш первый вампир, — обезоруживающе объяснила она Мартину, — это же такая ответственность! Надо прийти и всех запугать, чтобы его там не обидели и колом во сне не проткнули.

— Я днем не сплю, — отозвался Заноза. — Мартин, на сегодня можно сворачиваться, или тебе придется жену домой на руках нести.

— Да я бы ее везде на руках носил, но она же не дается.

— Чего это? — сонно возмутилась Лэа и тут же широко открыла глаза, уставилась на Занозу: — Как днем не спишь? Ты же вампир!

— А ты человек.

— И что?

— А ночью не спишь. Вот и я днем хочу спать, но не сплю. Так что колом меня тыкать — плохая идея.

— А почему не спишь-то, если хочешь? — заинтересовался Мартин.

— Не люблю, — Заноза дернул плечом. — Все, идем, пока Лэа обратно не уснула. Кого там запугивать надо? И почему, кстати, Лэа с этим лучше, чем ты или я может справиться?

— Потому что ты мирный, — Лэа слезла с дивана и побрела в холл, выглядела она так, будто и вправду в любой момент может «уснуть обратно», — даже не захотел бить музейную тетку бейсбольной битой. А Мартина никто не боится. К тому же Мигель вас выше вот настолько, — она подняла руки вверх и привстала на цыпочки, — и шире вот настолько, — Лэа уперлась ладонями в боковые откосы входной двери. — Чем вы его напугаете?

Мартин тщательно обдумал аргументы любезной супруги, пока пропускал ее с Занозой на улицу и запирал дверь. Насчет габаритов Лэа не слишком преувеличила, но, по правде сказать, человека добрее, чем Мигель, на Тарвуде не было.

— Не припомню, чтобы он прикончил кого-нибудь из постояльцев.

— Хочешь, чтобы Заноза стал первым?

На такие доводы он никогда не знал, что ответить. Так что покачал головой:

— Нет, не хочу. Но ты не пугай Мигеля слишком сильно, а то он нас не пустит в таверну, и придется нам Занозу дома в подвале поселить.

— Нет уж, — заявила Лэа неожиданно серьезно, — в дом я вампира не пушу, это тебе не демон. А в «Сид» запросто, — она взглянула на Занозу из-под светлой челки, — если в таверне проблемы будут, можешь жить в агентстве, сколько захочешь. Главное, клиентов не ешь, их у нас немного, к тому же бывают ядовитые.

Глава 4

*далеко, за каменной стеной, должен быть один, на тебя похожий,
только как найти его, как узнать среди сотен тысяч случайных
встреч?
wolfox*

Таверна занимала двухэтажное здание на краю рынка. Северная стена смотрела на рынок, южная — на Южный Ларенхейд, а восточная выходила на Рейлинплац, площадь перед воротами замка, ту самую, с фонтаном. И если это было не лучшее в городе место для ресторана, казино и публичного дома, то Заноза затруднился бы сказать, какое же тогда лучшее. Даже ратуша была расположена менее выгодно. Ратуша смотрела на замок, войти в нее можно было и с площади, и с одной из улиц Северного Ларенхейда, но от рынка она находилась довольно далеко. А таверна, вот она, пожалуйста, три двери для клиентов любого социального класса.

Зал не пустовал даже сейчас, в пятом часу утра. Большой зал — на весь первый этаж — заполненный не мешающими друг другу запахами кофе и табачного дыма, пряных трав, корицы, дерева и горячего хлеба. Потолок поддерживался несколькими беспорядочно расставленными колоннами и балками такого размера, как будто предназначались они для строительства замка, а пошли, почему-то, в таверну. Часть столиков пряталась в густой тени, и даже Заноза не сразу разглядел, есть ли за ними кто-нибудь. Но он и не присматривался. Потому что увидел дракона.

Дракон смотрел на зал, а может сквозь зал и сквозь стены, куда-нибудь в прошлое или будущее. Попробуй-ка, определи направление взгляда, когда между глазами примерно полтора метра, а перед глазами — пасть, в которую некрупный упырь поместится целиком, и еще останется место. Довольно много места. Ничего, кроме глаз и пасти, к счастью, не было: драконья башка висела на стене над таким же гигантским камином, а остальной дракон, наверное, давно пошел на сэндвичи и бифштекс.

Заноза сказал себе, что из папье-маше и гипса не делают сэндвичей даже на Тарвуде. Но, во-первых, он не был в этом уверен, а, во-вторых... он сомневался, что голова не настоящая. Дело в том, что за стойкой бара, над батареей бутылок, по большей части лишенных этикеток, оплетенных соломой, и оставляющих лишь догадываться о своем содержимом, так вот, над этой батареей вдоль всей стены — от двери на кухню, до входной двери — тоже висели головы. Точнее, черепа. Нет, не драконьи. И не человеческие. Но и не животных. Это были черепа гуманоидов, и они до того походили на поделки обчитавшихся фэнтези краниологов, что просто не могли не быть настоящими. Со всеми своими клыками, рогами, нечетным количеством глазниц...

Заноза снова перевел взгляд на голову дракона. Она как-то успокаивала.

— Это не постояльцы, — Мартин неверно истолковал его заминку, — это какие-то знакомые Мигеля. А вон его меч, видишь? — он показал на гигантских размеров мачете, висящее выше бутылок и ниже черепов. — Называется «Смеркалось».

— И это не настоящий дракон, — сказала Лэа. Но едва Заноза задумался над тем, рад он или разочарован, добавила: — это тарвудская виверна, они живут в горах на севере. Неразумные, а так, с виду, от дракона не отличить. Мы с Мартином ходили на такую охотиться.

— Чуть не легли там, — буркнул Мартин. — Нельзя на дракона без пулемета, но огнестрел тут не работает.

Из этого короткого и не очень понятного диалога, Заноза уяснил главное: на Тарвуде нет привычного ему оружия, и второстепенное: Лэа и Мартин безоружными ходили охотиться на

дракона. Какая новость хуже — невозможность стрелять или неадекватность работодателей, он не знал. Решил, что обе плохи.

А пока он размышлял, из кухонной двери вышел и проследовал за стойку человек-гора. Огромный, смуглый до оливковой прозелени, черноволосый и до того страшный, что череп его мог бы занять достойное место на стене за стойкой. На лице было поровну шрамов и татуировок, на руках, до закатанных по локоть рукавов, татуировок было, кажется, чуть больше, чем шрамов. А белая идеально-чистая ткань рубашки контрастом превращала темную кожу в шкуру броненосца.

— А это Мигель, — сказали Мартин и Лэа хором.

— Угу, — Заноза кивнул, — я догадался.

Этому типу «Смеркалось» был как раз по руке. И «знакомые», висящие на стеночке, были подходящей компанией. Это его Лэа запугивать собиралась?

— Привет, Мигель! — Лэа первой пошла к стойке, — это Заноза, он будет жить у тебя.

— Буэнас диас, сеньора и сеньоры, — густой бас подходил этому громадному человеку как нельзя лучше. Из-под черных густых усов сверкнули белые зубы, и это, определенно, была улыбка.

— Глоссолалия... — Заноза забыл поздороваться. — Это же испанский! А ты, — он развернулся к Мартину, — говоришь на итальянском. На английском я слышу только Лэа.

— Я говорю на русском, — Лэа озадачилась.

— А я почти не знаю русского, поэтому слышу тебя по-английски. Но знаю испанский и итальянский, и Мартина слышу то как итальянца, то как англичанина, а вы, — Заноза взглянул на Мигеля, — говорите на мексиканском испанском.

Еще одна улыбка:

— Вы тоже, сеньор, вы тоже.

— Это я машинально.

С каждым нужно говорить на родном языке — неизменное следование этому правилу делало его основной дайн неотразимым. В Алаатире это работало как прикормка для зверья между охотничьими сезонами: эффект дайна накапливался, влияние росло, возможностей становилось все больше. Ну, а в тех краях, где приходилось бывать наездами, знание языков было катализатором дайны. Вот и здесь сработало.

Значит, Мигель не просто слышит его речь, как испанскую, а знает, что он действительно говорит на испанском.

— А если так? — спросил Заноза на итальянском, и вопросительно уставился на Мартина поверх очков, — есть разница?

— Сейчас ты говоришь по-итальянски. Интересно... я же тебя и раньше по-итальянски слышал, но знал, что это другой какой-то язык.

Мартин был озадачен. Лэа тоже. А вот Мигель — ни капли не удивился.

— Всегда так было, — прогудел он, поставив на стойку перед Мартином чашку с горячим кофе, — с испанским и французским, а может и с остальными, их я не знаю. — Перед Лэа была поставлена чашка с чаем и вазочка с горячим хрустящим печеньем. — Ана по-французски говорит, Берана по-испански, теперь и сеньор Заноза тоже. Их совсем по-другому слышно, чем вас, сеньор Халькон, или сеньору Дерин, или тех, кто на тарвудском разговаривает.

— Если сеньор, то Сплиттер. А если Заноза, то без сеньора.

— Каморриста¹²? — переспросил Мигель, снова улыбаясь в усы.

¹² Camorrista (исп.) — задира, драчун, забияка.

Это было ужасно интересно. «Сплиттер», и «каморриста» — одно и то же слово, первое на немецком, второе — на испанском. И для Мигеля оно должно было звучать одинаково. Но звучало по-разному.

— А ты разницу слышишь? — спросил Заноза у Мартина.

— Между Сплиттером и Занозой? Слышу, конечно.

— А ведь по-итальянски «каморриста» — «бандит», а не «заноза».

— У нас тут хороший переводчик, — сказал Мартин гордо. — Переводит как надо, а не как правильно.

— Хорошие микробы, — уточнила Лэа.

— Я думаю, это вмешательство демонов, — поделился мнением Мигель.

Как это ни печально, скорее всего, он был ближе всех к истине. Тарвудская глоссолалия работала бессистемно, зато максимально близко к духу, а не букве слов. Не похоже ни на микробов, ни на какую-нибудь программу-переводчик, даже с неограниченным словарным запасом. Куда больше похоже на разум.

А поскольку демоны — почти то же самое, что магия, эту тему стоило выкинуть из головы до лучших времен. Если они когда-нибудь наступят.

Оказалось, что большая часть второго этажа таверны отведена под игровой дом. Об этом рассказала Ана, старшая официантка, которой Мигель поручил проводить нового постояльца в номер. Лестница вывела в маленький зал, где, не мешая друг другу, были расставлены низкие столы, кресла и пара диванов. Здесь тоже пахло кофе, немного вином и еще откуда-то тянуло благовониями. Легкий запах, не раздражающий, но не без афродизиаков.

Ана свернула направо, в коридор, отделенный от зальчика массивной дверью.

— Прошу за мной, сеньор, жилые комнаты здесь. А там, за холлом, — она махнула рукой в сторону широко открытых дверей напротив, — казино. И дом свиданий. Девушки у нас самые дорогие в городе, — добавила Ана, не чинясь, — но самые лучшие.

Девушки — это живая кровь. Если понадобится. А она понадобится. Заноза не знал, сколько протянет на консервах, ему сама идея питаться кровью из бутылок была внове. В прежние времена, когда в больницах сохраняли кровь, а не плазму, некоторые упыри кормились на станциях переливания. Но они были жалкими и слабыми, не умели или не смели охотиться, не могли сделать так, чтоб жертва сама начала мечтать о «поцелуе».

До тех пор, пока он не определится с тем, на кого и как охотиться на Тарвуде, ему тоже придется пить сцеженную кровь. Для того, чтобы поддерживать существование, просто приходиться в себя после алого солнца, нужно съесть трех человек. Фигня для Алаатира, с его двадцатью миллионами населения, и серьезная заявка на неприятности на Тарвуде, где на всем острове едва наберется двадцать тысяч. Из которых, к слову, еще и люди — не все, а можно ли пить кровь нелюдей, придется выяснять без предварительных испытаний на кроликах. В общем, пока только бутылки. А их наверняка окажется недостаточно. Так что девушки, которым можно просто заплатить, это спасение.

Оказаться запертым в небольшом городе, где ты у всех на виду, где каждый знает каждого — вот настоящий кошмар для вампира. Именно это. А вовсе не солнце или огонь.

«А еще тараканы, — вспомнил Заноза, когда Ана открыла перед ним дверь в номер, — маленький город и большие тараканы».

Ана прошла внутрь, положила ключи на стол, поправила пышные подушки на кровати, вернулась к дверям. И предостерегающе подняла палец, увидев, как Заноза сунул руку в карман:

— На чай у нас не принято давать больше трех медных. Два не дают: плохая примета. Так что или один медячок или три, можно три одной монеткой. Но с постояльцев мы чаевые не берем, а вы постоялец. Хорошего утра, сеньор, — она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

Отличное пожелание мертвяку, о лучшем и мечтать нельзя. И ведь, *puta madre*, от всего сердца же...

Я знаю, когда ты придешь, загорится свет
И в этой ночной темноте — я так в тебя верю,
В шаги твои гулкие возле закрытой двери,
И в то, что меня без тебя в этом мире нет.

В номере было чисто. Тесно. Не слишком уютно, зато ничего лишнего, и ничего привлекательного для насекомых. Кровать изголовьем к глухой стене, стол у занавешенного окна, пара задвинутых под стол стульев. А у той же стены, где дверь — комод в лучших традициях эпохи, когда встроенную мебель не только не делали, но даже еще и не придумали.

Дверь запиралась изнутри простым поворотом ключа. Засова не было. Зато окна оказались закрыты ставнями, а в крошечной ванной окно вообще отсутствовало. Благослови Аллах мудреца, проектировавшего этот номер! В ванной можно спокойно дневать: на полу как раз хватит места для одного некрупного упыря. Заноза не верил ставнями, не верил плотным шторам, не верил ничему, что могло защитить от солнца в незнакомом месте. Только стенам.

Дверям, запирающимся на такой простой замок, как здесь, он не верил тоже. Поэтому комод нужно было сдвинуть к двери.

И это не получилось. Комод оказался... тяжелым? Это так называется? Когда не можешь сдвинуть что-то с места, это называется «слишком тяжело»? Очень странное, совершенно незнакомое ощущение. Несколько секунд Заноза прислушивался к себе, пытаясь одновременно и привыкнуть, и разобраться, что же не так. Комод не был прикреплен к полу — приложив усилие, его удалось передвинуть к дверям. Но сколько же он весил, если усилие, все-таки, потребовалось? Столько сил у Занозы уходило обычно на то, чтоб перевернуть автомобиль, припаркованный каким-нибудь *putito* так, как только *putito* и паркуются. Автомобиль, а не пустой комод, хотя бы и из цельного дерева! И перевернуть, а не сдвинуть по гладкому полу.

Хасан на такие выходки всегда ворчал, говорил, что действуя по принципу «сила есть, ума не надо», Заноза сам не слишком отличается от придурков, не умеющих выбрать место для парковки. Видел бы Хасан его сейчас, что б он сказал, интересно?

Черт, да пусть хоть что говорит, лишь бы снова его услышать. И хрен с ним, даже если машины станут неподъемными, а кровь только из бутылок — что угодно, только бы вернуться.

Но пока даже неизвестно, куда возвращаться.

Я знаю, что время придет, я начну мешать,
И стрелки часов завернутся узлами дрожи,
И ало-бордовый узор, оплетая кожу,
Напомнит о том, что пора перестать дышать.

Но знаешь, когда ты уйдешь, тишина шагов
Вдруг станет плотнее стократ где-то возле сердца,
И станут ненужными иглы и мегагерцы
Без стука твоих сталью кованых каблуков.

— Долбаные феи, — пробормотал Заноза. И присовокупил к сказанному несколько пожеланий на испанском и английском, от которых даже демон-переводчик должен был бы поперхнуться и отделаться расплывчатым: «непереводимая игра слов».

Феям от этого должно было хотя бы икнуться. Они, вообще, сильно не любят ругательств, особенно, с пожеланиями. Мысль не очень утешала, но хоть что-то.

Плащ — на фигурную вешалку в углу. Кобуры — на стол. В чехле на ремне висел телефон... На него Заноза даже смотреть боялся. Чехол-то надежный, никакие пространственные смерчи его не повредили, значит, и телефон цел. Но, во-первых, неизвестно, что случилось с электроникой, точнее, известно, и от этого зло берет. А, во-вторых, если с телефоном ничего не случилось, это может быть даже хуже. Потому что позвонить отсюда невозможно.

В кармане плаща лежал замшевый мешочек с монетами. Мартин, когда его отдавал, сказал: «Здесь такие кошельки. Бумажных денег нет — привыкай не считать монетки мелочью». Заноза застал времена золотых sovereignов и серебряных долларов, и мысль о том, что монеты — это тоже деньги его не смущала. А учитывая сколько по-настоящему нелепых явлений ворвалось в его посмертие за последние десять часов, золото, медь и серебро как-то даже успокаивали. Они хотя бы не были магическими.

— Долбаная магия... — он вспомнил фей и подумал, что повторяется. С его словарным запасом, можно быть разнообразнее.

«Oglan¹³, ты знаешь столько слов, что мог бы вообще не ругаться», — как по заказу выдала память. И мучительно захотелось взять телефон, набрать номер Турка. Толку никакого, но хоть посмотреть на цепочку цифр, убедиться, что номер существует и город существует, и планета реальна, и Турок там. Еще не потерял, но уже завтра поймет, что что-то случилось. И будет искать.

Найдет, по-любому. Быть не может, чтоб Хасан и не нашел.

Так. Scheiße! Там, где ты ничего не можешь и все такое... делай то, что можешь. На данный момент выбор невелик: мебель уже подвигал, остается считать деньги.

Когда Мартин в «СиД» высыпал на стол солидную горку монет, Заноза машинально зафиксировал их все и пересчитал. Хрен разберешь, то ли это вампирское проклятие, то ли с детства оставшаяся привычка считать все, что видишь. Да без разницы. Сейчас он сам перевернул кошелек над столом, посмотрел на рассыпавшиеся по темному дереву деньги. Вот он, золотой. Потяжелее соверена, кстати. Вот все имеющие хождение номиналы серебра: один, два, три и пять. Итого одиннадцать серебряных. В золотом их десять. А в одном серебряном сто медных. На столе сто один медяк, потому что Мартин, опять-таки, подбирал монетки по номиналам. В сумме получается два золотых, два серебряных и медный. Система — проще некуда. Разобрался бы даже ребенок-идиот. Ладно, не любой, а какой-нибудь жадный ребенок-идиот, способный понять, что такое деньги...

Заноза мысленно дал сам себе в лоб. От привычки уточнять термины и вслух объяснять их значение он отучил себя еще в школе, иначе слишком много пришлось бы драться с однокашниками, категорически не приветствовавшими «занудства». Драться он тогда любил не меньше чем сейчас, но терпеть не мог получать взыскания, так что занудствовать вслух отвык. А от стремления к точности формулировок и правильному выбору слов все равно не избавился.

Притворяясь, будто не делает ничего особенного, он достал из чехла телефон, открыл, набрал нужный номер. Список контактов в его «Мотороле» был пуст: все номера Заноза предпочитал хранить в собственной памяти — раз уж никогда, ничего не забываешь, этим надо пользоваться.

Телефон молчал. Естественно, он молчал — ни гудков, ни лишнего эмоций голоса оператора — и тишина была невыносима. Понятно уже, что не надо было... нельзя было его трогать! Он один-единственный раз не услышал ответа по этому номеру, и чем все тогда закончилось? Так какого черта надо было повторять?! Зная, что ответа не будет!

Телефон молчал. Надо нажать отбой... блин, да можно даже не нажимать.

Вместо этого Заноза представил себе, как телефон Турка взрывается первыми тактами «Dead on Arrival» Айдола. Как Хасан, поминая шайтана, рычит, что тысячу раз просил поста-

¹³ Oglan (турецк.) — мальчик.

вить нормальный звонок; что он бывает в приличных местах, где приличные люди, и его бесит эта адская какофония, а приличные люди ее пугаются. Он представил, как Хасан нажимает кнопку «ответить»... черт, он почти услышал ответ!

Но этого не могло быть.

Значит, этого не было.

— Да пошло оно! — Заноза захлопнул крышку, сунул телефон в чехол и бросил на стол рядом с кобурами. Пустыми кобурами.

Хасан не найдет его. Тут его никто не найдет. И он сам не сможет вернуться. И прежде, чем это станет окончательно ясно, нужно успеть сделать здесь побольше разного... интересного. Чтоб хоть не так обидно было выходить на солнце.

И знаешь, часов в темноте беспросветной — нет,

Поэтому я бесконечно останусь верить

В плену паутины у запертой кем-то двери —

И знать, что, когда ты придешь, загорится свет.¹⁴

* * *

Телефон разразился какофонией звуков, которые мог считать музыкой только сумасшедший.

— Я тысячу раз просил... — Хасан отложил книгу, — поставить нормальный звонок.

Он дотянулся до телефона, но тот уже замолчал. А экранчик, кажется, не светился, даже когда адская машинка издавала свои мерзкие вопли.

Не похоже на Занозу, бросить звонить, не дозвонившись. Обычно он придерживается правила семи гудков. Если не ставит целью достать по-настоящему. Тогда мелкий засранец звонит до победного конца, уверенный, что рано или поздно ему все равно ответят. Даже из душа. Даже из постели. Он однажды умудрился выдернуть Хасана из дневной спячки. Говорил потом, что почти разрядил аккумулятор. Но ведь дозвонился же, шайтан белобрысый.

Еще на Занозу не похоже не предупредить о том, что его не будет утром. Если он отправляется в загул и не собирается дневать дома, то всегда сообщает об этом загодя, чтобы дать возможность распланировать время. Из «Крепости» домой, в Февральскую Луну, ехать час, плюс минус десять минут. У Занозы уходит на дорогу меньше получаса. Когда он за рулем, то вверив душу Аллаху и постоянно напоминая себе, что машины далеко не всегда взрываются при аварии, можно выходить с работы за те же полчаса до рассвета, и знать, что будешь дома раньше, чем солнце покажется над горами. А сегодня, из-за того, что Заноза не позвонил, Хасан чуть не застрял в «Крепости». Там тоже можно передневать, но дома лучше — вампиры верны привычкам, да и своя спальня куда удобнее глухой каморки в подвале.

Добирался, в итоге, на «Мерседесе», в котором выезжали в рейды. За океаном довелось на нем и по минным полям покататься, и под ракетным обстрелом побывать, и против настоящих чудовищ выстоять со скорострельной пушкой, которая по всем документам — кинооборудование. А здесь он ни разу еще не пригодился. Ни для чего, кроме как побыть гробом-перевозкой для мистера Намик-Карасара, задержавшегося на рабочем месте из-за того, что одна английская задница не сочла нужным предупредить о загуле.

Блэкинг был за рулем, так что добрались вовремя. Хватило времени и на душ, и даже на то, чтоб книжку почитать, пока алое солнце не свалит в беспробудный сон.

В северной гостиной, разделенная на десятки «окошек», беззвучно рябила гигантская плазменная панель. Заноза так новости смотрит, только у него еще и звук включен: сразу пол-

¹⁴ Стихи Эола.

сотни каналов на одном экране, гвалт, как на птичьем базаре, где какая картинка не разберешь. А этот умудряется параллельно с кем-нибудь через свой Интернет переписываться, а иногда еще и комиксы читает. Неудивительно, что он псих, с такими-то нагрузками.

— Выключить, господин? — почтительно поинтересовался появившийся в дверях Франсуа.

Слуга Занозы. Обычно он не показывается на глаза, что-то химичит в своей лаборатории в южном крыле, да следит за хозяйством. Раз явился незванным, значит, тоже услышал... орево. Называть издаваемые телефоном звуки «звонком» было бы преступлением против любого из языков. Значит, ему Заноза тоже не звонил. И это уж вообще ни на что не похоже.

— Оставь, — Хасан махнул рукой. — Я спать ухожу. — И добавил, чтоб не держать Франсуа в неведении до заката: — звонок сорвался. Если хочешь, набери вечером, кого-нибудь... — он подвинул Слуге телефон, — из его приятелей. Кого знаешь.

Телефон у Франсуа был свой, но Заноза-то позвонил на этот. А экранчик не светился. Хасан мог поклясться, что не светился. Должен был? Возможно. Ничего нельзя сказать наверняка с этой техникой. А Франсуа в ней разбирается. Для своих четырехсот лет, разбирается на удивление хорошо. И если вызов был какой-нибудь... не такой, он увидит, что не так и на закате доложит. Из этого можно будет исходить, планируя дальнейшие действия.

Хотя, скорее всего, на закате все планирование сведется к тому, чтоб десять-пятнадцать раз отклонить приглашение на охоту в очередное нелепое заведение с взрывающей мозг музыкой, и пинками загнать мелкого засранца в приличное место. Появится же он к вечеру, не исчезнет дольше, чем на день. Куда тут исчезать? В этом городе его каждая собака знает.

— С вашего позволения, господин, — Франсуа поклонился, — я позвоню госпоже Эшиве.

Индийской стерве? Ну, да. Если б Хасан считал для себя возможным звонить Эшиве, он тоже начал бы с нее. Первая кандидатка на втягивание Занозы в проблемы, которые этот дурень неизменно называет приключениями. И в свою постель. И хорошо, если в этот раз дело только постелью и ограничится.

* * *

Мартин пришел на закате. Минута в минуту — солнце скрылось за горизонтом и раздался стук в дверь.

— Заноза, ты проснулся уже?

Заноза уже даже комод отодвинул обратно. Его окно выходило на север, света было немного, поэтому, переждав в ванной время алого солнца, остальную часть дня он провел в номере. Убедился, что венаторы¹⁵ не пытаются ворваться к нему с топорами и огнеметами, и, когда солнце ушло на запад, освободил подход к двери. Никто не придет убивать вампира вечером, это всегда делают утром, в крайнем случае, в первой половине дня.

Мартин явился не с пустыми руками: перешагнув порог, сразу вручил бумажный пакет с двумя бутылочками крови:

— Завтрак. Я не знаю, сколько тебе надо, взял литр, — он огляделся, зацепился взглядом за развернутый над столом прямоугольник монитора. — Так ты и правда днем не спишь? Солнце только что село, а ты уже за деком.

— Я с полудня за деком, — Заноза взял пакет и ушел в ванную, — я правда не сплю днем. Если хочешь спросить про книги, фильмы и пособия «Охота на вампиров для чайников», там все правда. В большинстве своем, вампиры до заката чувствуют себя очень хреново, если не спят. Но, во-первых, иногда спать еще хуже. А, во-вторых, — он открыл одну бутылочку,

¹⁵ Венаторы — охотники на нечисть и нежить.

опустошил ее, тут же открыл вторую, — вампир, который хреново себя чувствует, все равно сильнее человека.

Вторая бутылочка опустела чуть ли не быстрее первой. Мало! Лучше, чем ничего, но мало.

— Нужно еще одну, — сказал Заноза, размышляя, куда деть пустые бутылки. Мысль о прислуге, обнаруживающей их в мусорной корзине, совершенно не вдохновляла. И то, что бутылки оставались идеально чистыми, ничего не меняло, потому что с винными их все равно не спутать.

К его изумлению, дверь открылась, и Мартин крикнул кому-то в коридоре:

— Две порции крови принеси! Да! Нет, молока не надо.

У них тут не соблюдались даже самые элементарные правила безопасности. Ни одного вампира на острове, правил могло вообще не сложиться. Но ведь кровь кто-то пьет, иначе бы ее не продавали. Так, может, и его за вампира не примут?

— Почему спать хуже? — спросил Мартин, вновь закрыв дверь, — и зачем ты прячешься в ванной?

— Невежливо пить кровь на глазах у живых.

— А. Понятно, — судя по голосу, ничего невежливого Мартин в этом не видел, но считал невежливым спорить с чужими тараканами. — А спать?

— Мы в спячке не отдыхаем, наоборот устаем. Когда засыпаем, становимся полностью мертвыми, а, просыпаясь... типа оживаем, и это требует расхода крови. Если бы я не заснул сегодня, пережидая рассвет, мне хватило бы и двух бутылок.

— Где две, там и три. Сейчас еще принесут. Ты освоился с кибердеком?

— Пользоваться несложно. Как он работает — разберусь. Но как ты настроил доступ в сеть той планеты, я ни хрена не могу понять. И не пойму. Это где-то там же, где магия, демоны и вампиры.

— А где они? — озадачился Мартин.

В дверь постучали, она открылась, звякнуло стекло.

— Да нигде, — отозвался Заноза. Поставил пустые бутылки в мусорную корзину и вышел из ванной, — их не бывает.

— Демонов не бывает?

— Кроме тебя.

— А вампиров?

— Вообще не бывает.

— А ты?

— А я не настоящий.

Голод был сильнее вежливости, так что Заноза, не спрашивая разрешения, взял у Мартина из рук одну бутылку.

— Пей здесь, — Мартин поставил вторую на комод, — меня не это напрягает, а то, что я разговариваю с дверью ванной. Что значит, ты не настоящий?

— Вампиров же не бывает, — напомнил Заноза.

— Ну? А ты?

Это был какой-то затык... неизбежный. Заноза не в первый раз впиливался в него лбом, ладно сегодня хоть не с разбегу. Как объяснить то, что и объяснять-то не нужно, потому что оно само за себя говорит? Вампиров не бывает. Всё. Точка. Дальше — элементарно, это даже не логика, это... черт, да это просто как кирпич. Если вампиров не бывает, следовательно, его нет.

Почему у любого, кто сталкивался с этим неоспоримым выводом, взгляд становился таким же как у Мартина сейчас, Заноза не понимал. Почему многие хотели каких-то объяснений, тоже не понимал. Каких — еще?! Все уже сказано. И почему те, кто видел в этом един-

ственном и достаточном доводе логику, вместо того, чтобы согласиться, приходили к выводу, что он псих, тоже было непонятно. Ну, псих, да, кто бы спорил? Но не поэтому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.